

ЖАКЛИН СИЛЬВЕСТР



ВУНДЕРКИДЗ

КНИГА 1. ВИЛДВУДСКАЯ АКАДЕМИЯ

Вундеркидз

Жаклин Сильвестр
Вундеркидз.
Вилдвудская академия

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Сильвестр Ж.

Вундеркидз. Вилдвудская академия / Ж. Сильвестр —
Издательство «Детская литература», 2017 — (Вундеркидз)

ISBN 978-5-08-006395-4

«Вундеркидз. Вилдвудская академия» – первая часть трилогии британского автора Жаклин Сильвестр, в которой Ника, пятнадцатилетняя талантливая художница, попадает в элитную школу для одаренных детей, где с помощью специальных технологий воруют таланты у одних учеников и за огромные деньги продают другим.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-08-006395-4

© Сильвестр Ж., 2017
© Издательство «Детская
литература», 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Жаклин Сильвестр
Вундеркидз. Вилдвудская академия.
Книга первая: роман / Жаклин Сильвестр

Папе и маме

Jacqueline Silvester
WUNDERKIDS PART 1: Wildwood academy

Перевод с английского А. Бродской

Рисунки О. С. Гвоздевой

© Жаклин Сильвестр, текст, перевод, рисунок на переплете, оформление переплета, 2020
© Оформление, иллюстрации. АО «Издательство «Детская литература», 2020

Глава 1

Кредиторы не рассылают нарядные конверты



Сначала взялись за мебель, а потом распродали французский гарнитур из отделанной с шиком квартиры в Беверли-Хиллз, пустили с молотка бытовую технику и все прочее – все сколько-нибудь ценное, все, на что нашлись покупатели. Даже резную шкатулку, в которой пятнадцатилетняя Ника хранила «воспоминания» своей жизни, забрали как антикварную ценность. Разозлившись, Ника сгрела коллекцию открыток, письма от подружек, магнетики-сувениры, семейные фотографии и затолкала в большую сумку-баул. Это был символический жест: в результате последних событий вся их с мамой жизнь состояла теперь из множества таких сумок.

Ника с мамой не ожидали, что кредиторы так быстро обчистят квартиру: остались лишь картонные коробки, набитые одеждой, документами и мамиными альбомами с эскизами шляп. Так называемое изъятие имущества не пощадило даже старенькую машинку для попкорна, которую Ника с матерью включали воскресными вечерами.

Поначалу Ника изо всех сил старалась не подавать виду, как сильно она привязана ко всему, что у нее отбирают, и ей это неплохо удавалось, особенно при маме Дарье. Мама надеялась, что Лос-Анджелес – это конечная остановка, тихая гавань, где семья наконец-то пустит корни, в первый раз с тех пор как погиб отец Ники...

За тринадцать лет они сменили одиннадцать штатов – Дарье казалось, что так ей будет легче пережить горечь утраты. Ей удалось найти место модельера в элитном шляпном ателье «Бо-Шапо». Головокружительная зарплата позволила маме с дочкой не только сделать первый взнос за квартиру в Беверли-Хиллз, но и обставить ее красивой мебелью, купленной в кои-то веки не на барахолке. Ника впервые в жизни целый учебный год проучилась в одной школе и собиралась вернуться туда в сентябре. У нее наконец-то появились друзья, с которыми не придется расставаться из-за очередного переезда. И, наверное, в первый раз в ближайшей кофейне запомнили, как ее зовут.

В «Бо-Шапо» карьера стремительно шла в гору, но... через полгода мама Ники вдруг решила уволиться, набрала кредитов и взялась за создание собственной коллекции шляп. Тут-то и началась черная полоса.

Прошло уже три недели с тех пор, как у них на пороге впервые возник лысеющий человек средних лет с узкими болотного цвета глазками и такого же цвета портфелем. За ним появились двое других, таких же. Эти люди входили в дом, щупали мебель и что-то отмечали в своих блокнотах. Они тыкали пальцами в разные предметы и кричали: «На аукцион!». Грузчики, повинувшись их приказам, вытаскивали вещи и загружали в темно-синие фургоны, припаркованные у тротуара.

Кредиторов прислали из банка – там пришли к выводу, что у Дарьи нет ни малейшего шанса выплатить кредиты, потому что грузовик, перевозивший коллекцию для ее первого модного показа, над которой Дарья работала почти полгода, угнали вместе со шляпами.

И вот теперь, в последний день «изъятия имущества», Ника стояла посреди гостиной и наблюдала, как выносят то, что еще оставалось. Мимо прошагали два силача-грузчика, тащившие хрупкий витраж, который мама купила, получив первую зарплату. Один из них задел выступающую деталь, и та отломилась. Сначала грузчик испугался, но потом просто пожал плечами, швырнул обломок на пол и как ни в чем не бывало двинулся дальше. В этот день Дарья была сама не своя – просто сидела на винтовой лестнице, которая вела на второй этаж их квартиры, и спокойно глядела на происходящее. Она лишь поджимала губы и плотнее кутала плечи в рыжую шаль, словно и ее вот-вот должны были отнять.

Самое ужасное, что в счет уплаты долга забрали и квартиру. Так что настали выходные, когда их должны были выселить. И хотя в этом уже не было смысла, Ника принялась за уборку, чтобы чем-то занять руки и голову и ни о чем не думать. Она вытерла пыль с подоконников, помыла белые мраморные столешницы в кухне и вынесла мусор. На обратном пути – по привычке – девушка заглянула в почтовый ящик с номером 134 и вытащила тяжелую пачку бумаг.

После того как закончился судебный процесс о выселении, Ника первая просматривала почту и выбрасывала ее, пока не заметила мама. Ей хотелось побереечь Дарью.

Усевшись с ногами на постель в своей комнате, Ника рассеянно перебирала белые конверты с крупными красными штампами «СРОЧНО» или «ТРЕБУЕТСЯ ОТВЕТ». Она и так знала, что это за письма, но все равно распечатывала их: письма из банков, из газовой компании, от домохозяйина, от адвоката домохозяйина, счета за электричество. Отработанными движениями Ника вскрывала, рвала и выбрасывала очередное письмо, пока в руках не осталось последнее и... замерла. Черный конверт из дорогой плотной бумаги с золотым тиснением был адресован лично ей, Веронике Мейсон. На банковских выписках и счетах никогда не стояло ее имя – она была несовершеннолетней. Ника перевернула конверт, но на другой стороне значилось всего два слова: «Вилдвудская академия».

Девушка торопливо вскрыла письмо, развернула сложенный вчетверо шелковистый лист бумаги и принялась читать:

Уважаемая Вероника Мейсон!

Рады сообщить, что Вы приняты в Вилдвудскую академию для одаренной молодежи. Вилдвудская академия имеет надежную репутацию одной из самых престижных закрытых школ в стране, наших учащихся мы тщательно отбираем по всему миру. Досконально исследовав ваши таланты и способности в сфере промышленного дизайна, мы пришли к однозначному выводу, что Вилдвудская академия идеально Вам подходит. Наша Академия обеспечит вам возможность усовершенствоваться и полностью реализовать свои творческие способности, а также снабдит инструментами, необходимыми для отработки технических навыков. Конкурс в наше учебное заведение большой, и каждый год мы предоставляем избранным талантливым молодым людям всего несколько мест. Кроме того, мы гарантируем полный

пансион: обучение, жилье и содержание, а также финансовое содействие в соответствии с потребностями.

Мы не афишируем наши возможности – у Академии нет веб-сайта, и мы не поддерживаем контакт по телефону до достижения предварительной договоренности и проведения ознакомительной экскурсии.

Если Вы заинтересованы стать студентом нашего учебного заведения, транспортная служба заберет Вас и ваших родителей (либо законного представителя) 3 сентября в 16:00 и доставит в Академию для экскурсии и собеседования, которое пройдет в центральном кампусе. Академия расположена близ города Вилдвуд в окрестностях горы Сан-Хасинто.

Искренне надеемся, что Вы серьезно обдумаете наше предложение, и ждем Вас в кампусе.

Ваши

приемная комиссия

и Стивен Эдисон, директор Академии

Ника перечитала письмо еще раз. Ну да, она любила рисовать, но как об этом узнала какая-то престижная Академия в горах? Никаких документов туда она не отправляла и вообще ничего о ней не слышала.

Ника еще раз пробежала глазами письмо. «Вдруг это какие-то мошенники? – недоумевала она. – Только зачем жуликам применять такие изощренные методы? Но ведь я действительно люблю рисовать! – напомнила она себе. – А где это вообще? Гора Сан-Хасинто?.. Вдруг все-таки мошенники? Нет, не может быть. Они же никаких денег не просят, наоборот, предлагают бесплатное обучение и содержание. – На миг Ника замерла в предвкушении, позволив себе помечтать, но тут же опомнилась. – Наверное, все мошенники с этого начинают, – благодарно решила она. – С таких заманчивых обещаний, „что прямо не веришь своему счастью”».

Девушка вертела письмо в руках, словно надеялась разглядеть подлинные намерения отправителя...

Логотип на фирменном бланке представлял собой кружок с буквами W и A. «Вилдвудская академия».

Ника изучила уверенный росчерк директорской подписи. А потом уставилась на дату и время экскурсии – третье сентября: «Это же всего через несколько дней!»

– Жульничество, – постановила Ника и презрительно отбросила конверт. «Скорее всего, жульничество», – внес поправку более легковверный внутренний голос. Пришлось напомнить самой себе, что престижная школа ее не возьмет – после катастрофы с мамиными шляпами оценки у Ники были ужасные.

Впрочем, школу в этом году все равно менять. В новом году она должна пойти в школу недалеко от дома тети Сони, которая согласилась на время их приютить.

Это школьное здание было большим, серым – тоскливый прямоугольник, у каждого входа установлена рамка-металлоискатель. Все окна первого этажа были в решетках, а территорию опоясывала ограда, ошестинившаяся колючей проволокой. Интересно, это чтобы внутрь никто не пробрался или чтобы оттуда никто не сбежал?

Девушка попыталась представить себе эту далекую академию (может быть, ее и не существует вовсе) – какие там, наверное, большие светлые студии... Ника снова провела пальцами по гладкой поверхности бумаги и почувствовала, как ее губы раздвигаются в улыбке: оставалась крошечная вероятность, что ее таланты кто-то где-то заметил.

«Все равно это мошенничество, – сердито одернула себя девушка. – Надо же, размечталась, как маленькая». Ника взяла письмо, засунула обратно в конверт и бросила в мусорное ведро.

* * *

В субботу утром Ника в последний раз проснулась в своей залитой солнцем комнате – шелковые шторы тоже «изъяли», но карнизы над окнами остались, и они словно рамки подчеркивали красоту струящихся солнечных лучей... Девушка уткнулась лицом в голубую наволочку – слава богу, постельное белье переедет к Соне вместе с ней, но широченную кровать придется оставить здесь. Ника переделалась в хлопчатобумажные шорты и легкую майку: август не собирался сдавать позиции сентябрю, и в Лос-Анджелесе стояла жара. Маму она нашла внизу – Дарья сидела, скрестив ноги, возле того места, где раньше был кухонный стол, который теперь заменила перевернутая картонная коробка. На коробке стояла кружка с надписью: «Я люблю Нью-Йорк» с некрепким кофе, и лежали три последних выпуска «Женской моды» – журнала, где иногда давали объявления о вакансиях: Дарья уткнулась носом в августовский номер, напряженно сдвинув брови.

– Бросай ты это дело. – Ника включила чайник.

– Не могу, тут предлагают отличную работу, – нервно ответила Дарья. – В Сиэтле. И платят хорошо.

Ника только вздохнула. Она понимала, что найти новую работу маме будет трудно, пока «шляпный скандал» не забудется.

– Круто, мам, – машинально ответила Ника.

Так же она отвечала и раньше, когда у мамы появилась идея перебраться в Лос-Анджелес («центр киноиндустрии – новые возможности»), а до этого – в Сан-Франциско («великолепная природа»), в Нью-Йорк («мировая столица моды»), в Майами («потрясающие пляжи»), а еще раньше – в Чикаго, потому что... да нет, просто так.

– Там часто идет дождь, ты же это любишь, – бодро заметила Дарья, взглянув в серые глаза дочери.

Они были почти одинаковыми. Только Дарьины глаза были сплошь серые, а Никины – с желтыми крапинками. И волосы у мамы были хотя и светлые, но все же темнее – не такие золотые, как длинные дочкины кудри. В трудные времена Дарья предпочитала неформальную стрижку, для нее это было средством расслабиться. Вот и сейчас все волосы у нее были разной длины: с одного боку – длинные, с другого – короткие, спереди – подвитые пряди, сзади – несколько подколотых кверху «макаронин».

– Купим себе одинаковые зонтики, – увлеченно продолжала Дарья. – Знаешь, такие винтажные с оборками. Как в «Унесенных ветром»! И кофе в Сиэтле что надо! Лучший в мире! Можно будет пить кофе в дождь хоть каждый день! – Нервно тараторила мама.

Дарья перевернула еще несколько страниц журнала и снова подняла глаза на дочь.

– Писем не было? – спросила она.

– Нет, сегодня ничего нет, – ответила Ника и поспешно отвернулась к чайнику.

– А вчера?

– Тоже нет.

– А позавчера?

– Тоже.

– Надо же, как странно, в последнее время почти ничего не приходит, – вздохнула Дарья.

– Вообще-то пришло одно письмо, – неожиданно для самой себя призналась Ника. – Глупое... ну или смешное. Шикарное надувательское письмо из какой-то там частной школы... предлагают бесплатное обучение, полный пансион и вообще... – Ника натянуто хихикнула.

Дарья застыла, не донеся до губ чашку с кофе.

– Из частной школы?! – изумленно переспросила она.

– Ага, у которой даже сайта нет, – усмехнулась Ника.

Но мама ее уже не слушала.

– Где оно?! – прошептала она.

– Что – «оно»? – насторожилась Ника.

– Письмо!

– Я его выбросила... наверху... – не успела Ника договорить, как Дарья вылетела за дверь, махнув подолом длинного шелкового халата. И через несколько секунд ворвалась в кухню, победно сжимая в руке мятый листок бумаги.

– Это же фан-гас-ти-ка! – проговорила мама, разглаживая листок на краю картонной коробки.

Дарья прочитала письмо вслух от первого до последнего слова. Ника терпеливо ждала, когда та закончит, и мысленно ругала себя за то, что проболталась.

– Здесь обещают финансовое содействие! – воскликнула Дарья с таким восторгом, словно они выиграли в лотерею. – Полностью оплачивают проживание, питание и обучение! И шикарный буклет приложен! – радовалась она.

Ника удивленно посмотрела на мать: девушке и в голову не пришло прежде чем выбрасывать конверт, проверить, нет ли там еще чего-нибудь.

А Дарья, словно ребенок, который в первый раз увидел рекламу Диснейленда, тыкала пальцем в фотографии улыбающихся учеников, словно это было надежное доказательство того, что Академия действительно существует. На мамином лице засияла улыбка надежды.

Дочь и мать смотрели друг на друга. Дарья просто лучилась от счастья. Она бросила буклет Нике, которая поймала его и неохотно развернула. На обложке красовалась картинка – горный склон, густо заросший секвойями. Разворот был заполнен фотоколлажем: студенты Академии ставят научные опыты в ультрасовременных лабораториях, стоят перед мольбертами в просторных студиях, соревнуются друг с другом в школьном бассейне олимпийского размера. От буклета веяло достижениями, превосходством, чемпионством.

Ника отвернулась.

– Жулики какие-то, – произнесла она с деланным равнодушием.

– А вот и нет! – возмутилась Дарья.

– Я же никуда не рассылала свои работы, откуда же про меня узнали? Мама, ты такая наивная! – В голосе Ники все сильнее звучало раздражение.

– И вовсе я не наивная, и все это по-настоящему!

– Откуда ты знаешь?! – рявкнула Ника.

Дарья испуганно заморгала. Замялась, потом притворилась, будто заметила пятнышко на халате.

– Мама!..

Молчание. Дарья делала вид, что оттирает несуществующее пятно. Потом схватила тряпку и принялась смахивать крошки с коробки – жест настолько ей не свойственный, что Ника забеспокоилась. Рука ее сама собой потянулась к груди и нащупала отцовский солдатский жетон под рубашкой – Ника всегда так делала, когда нервничала.

– Мама?! – снова воскликнула она, уже не сдержавшись.

Дарья вздохнула и посмотрела на дочь.

– Когда начались все эти... – Она помолчала, подбирая подходящие слова, – неприятные события и сразу после того, как мы сходили на экскурсию в твою новую школу... – Дарья говорила медленно, взвешивая каждую фразу. – В общем, я подала несколько заявлений от твоего имени в разные художественные школы по всей стране, на случай если где-то в последний момент освободится место.

Ника с возмущением поглядела на мать.

– Послушай, я понимаю, что ты за меня беспокоишься и это я во всем виновата, – продолжала та. Ника открыла рот, чтобы возразить, но Дарья жестом остановила ее. – Я подала заявления от твоего имени, потому что не хочу, чтобы ты жила с тетей Соней. Она далеко не подарок, а отдавать тебя в это жуткое заведение, которое называется школой, я вообще не имею права, – печально закончила она.

Дарья выжидательно смотрела на дочь – что та скажет?

Ника вздохнула, улыбнулась, подошла и обняла ее:

– Мам, это так здорово, спасибо! Но я все равно никуда не поеду, пока не буду уверена, что ты снова стоишь на ногах, – тут же добавила она.

Радостная улыбка на лице Дарьи сменилась расстроенной гримасой.

– Я встану на ноги гораздо скорее, если буду знать, что ты хорошо устроена. Тем более, ты это заслужила. – Дарья нахмурилась. – Нельзя же быть такой пессимисткой в пятнадцать лет! Ты очень талантливая, кому, как не тебе, учиться там, где все это признают!

Ника отвернулась и посмотрела в окно.

– Мам, я же не брошу тебя у Сони одну. – Она помолчала. – И это все равно как-то странно – сама подумай, даже телефона в этой Академии нет! И все бесплатно... – Ника сморщила в сомнении нос.

Дарья явно собиралась что-то возразить, но передумала.

– Ладно. Нам надо еще собраться и выехать до пяти, – равнодушным тоном произнесла она и вышла из кухни.

Ника отправилась следом за мамой: они набили чемоданы последними пожитками, потом печально погрузили их в старый «Форд», заперли дверь квартиры и двинулись в южную часть города, туда, где жила менее обеспеченная публика.

* * *

Окна пятого этажа Сониной квартиры выходили на швейную фабрику. В переулке всегда стоял фургончик с мексиканским фаст-фудом, откуда валил пар.

Побитый молью, пропахший дымом диван, раскладная тахта в углу, телевизор, купленный еще в девяностые, и садовая, зеленоватого мрамора статуэтка греческой богини, которую Соня получила по решению суда после развода, – вот и вся убогая обстановка. Тете Соне тогда достались только две ценности: эта статуэтка и оранжевый джип в максимальной комплектации. Два напоминания о прежней жизни, когда Соня была замужем за банкиром и жила в Малибу.

Соня была крупной, даже мужеподобной, с вечно сальными волосами и разговаривала низким, прокуреным голосом. Она даже не приходилась им близкой родственницей, будучи сводной сестрой Дарьи от первого брака их общего отца. Перебравшись в Лос-Анджелес, Дарья решила восстановить отношения, но быстро об этом пожалела, когда Соня, приехав в гости, врзалась на своем джипе в дверь их гаража. Однако другой родни в Лос-Анджелесе у них все равно не имелось, и обратиться за помощью было не к кому.

Ника и Дарья провели ночь на жесткой раскладной тахте в гостиной, а утром, не успев толком проснуться, обнаружили, что Соня уже встала и торопится проявить гостеприимство.

– Доброе утречко, девчонки, – просипела она. В зубах у женщины торчала сигарета, в руке она держала банку пива. – Кто хочет прокатиться? – Соня уставилась прямо на Нику. Напуганная девушка покосилась в сторону мамы, но та притворилась, будто любит вид из окна.

– Э-э... – Ника не знала, как выйти из этой ситуации. – Мамочка, можно я поеду покатаюсь с тетей Соней? – Она выразительно смотрела на мать в надежде, что та придумает какую-нибудь уважительную причину и не позволит Нике сесть в машину с не совсем трезвой родственницей. Но Дарья фальшиво-медовым голосом проворковала:

– Конечно, поезжай, солнышко!

Глаза Ники стали круглыми от изумления.

– Мама, точно можно? – с нажимом повторила она.

– Конечно, милая, повеселитесь как следует! – отмахнулась Дарья.

Предательство матери потрясло Нику, но Сониная не по-женски сильная ручища уже толкала ее к двери.

Ника вернулась в свой новый дом лишь через несколько часов. Волосы у нее висели сосульками, губы пересохли и потрескались от встречного ветра, глаза слезились – у джипа, который мчался на огромной скорости, были опущены все стекла.

Конечно, за время поездки случились и приятные моменты, например, спуск по серпантину, вьющемся по зеленым склонам Малибу, порывы теплого ветра, вид гигантских волн, что разбивались о песчаные пляжи. Но страшных было гораздо больше: когда Соня орала на продавца в придорожном магазинчике или когда, закладывая поворот, подъезжала к самому краю пропасти.

– Ну, милая, как все прошло? – с понимающим видом спросила Дарья, оторвав голову от очередного номера «Женской моды».

Ника обернулась на Соню – ввалившись в квартиру, родственница шлепнулась на свой диван и, опорожнив еще пару банок пива, мгновенно заснула.

– А ты как думаешь? – свирепо прошипела Ника, как только убедилась, что Соня спит.

– Ну, я же тебя предупреждала, – с самодовольным видом отозвалась Дарья.

Ника ушам своим не поверила.

– Так ты это подстроила, чтобы меня убедить?! – воскликнула она.

Дарья только пожала плечами, как будто слова дочери ее совершенно не задели, и снова уткнулась в журнал.

Ника еле сдерживала ярость.

– Ничего себе! – Распаковывая свои вещи, Ника громко бубнила себе под нос. – Рискнула моей жизнью ради дешевой манипуляции!

Вдруг зазвонил домофон. Дарья подбежала к двери и нажала кнопку, даже не спросив, кто там.

– Лучше бы поинтересовалась, кто пришел, – мало ли кто может вломиться, особенно в таком райончике, – мрачно пробурчала Ника, вытаскивая свитер.

Вскоре зазвенел дверной звонок. Мать обернулась и посмотрела на дочь.

– Кто это, мама? – спросила та. Но Дарья, не ответив, глубоко вздохнула и решительно открыла дверь.

– Здравствуйте. Меня зовут Стамос Ледерман, – послышался бархатный голос. – Я из Вилдвудской академии для одаренной молодежи. Приехал забрать Веронику Мейсон. А вы, должно быть, ее мать? Можно мне войти?

Ника вытянула шею, но никого не увидела.

– Да, так и есть. Входите, прошу вас! – Ника уже давно не замечала, чтобы Дарья вела себя так приветливо и даже кокетливо. Наконец девушка увидела незнакомца, который грациозно, словно танцуя, прошел в гостиную.

На вид Стамосу Ледерману было слегка за тридцать. Своей азиатской внешностью, высокой стройной фигурой, гибкостью, удивительно симметричным лицом и шикарной модной стрижкой он напомнил Нике героя аниме. На мужчине был великолепно скроенный костюм, и от него исходил аромат гвоздики. Неожиданный гость широко улыбнулся. Улыбка у него была очень красивой, словно с рекламного плаката.

– Добрый вечер, Ника, меня зовут Стамос! – Мужчина снова сверкнул радушной улыбкой. От звука его голоса Соня зашевелилась, что-то промычала и перевернулась на другой бок. Стамос даже не посмотрел в сторону спящей, видимо, он прекрасно понимал: в такой ситуации самое вежливое – делать вид, что ничего не происходит.

– Рада познакомиться, – смущенно отозвалась Ника, не в состоянии скрыть своего изумления.

– Надеюсь, вы успели собрать вещи? – спросил Стамос.

Ника неловко промямлила:

– Мне очень жаль, что вам пришлось проделать такой путь... Но я не могу поступить в вашу Академию, обстоятельства не позволяют.

Мама выразительно кашлянула, но девушка не взглянула на нее. Понимает ли представитель Академии, в каком отчаянном положении они оказались? А тут еще проснулась Соня, села на диване и с прищуром уставилась на визитера.

– Ах, у этой девочки такое чувство юмора! Разумеется, мы едем! – воскликнула Дарья и серебристо рассмеялась. – Видите, и чемоданы уже упакованы! – Она обвела рукой комнату и добавила: – Сопровождать Нику в школу буду я.

Ника бросила на мать предостерегающий взгляд.

– Великолепно! – весело отозвался Стамос и улыбнулся еще шире, однако у Ники возникло ощущение, что он прекрасно понял, что происходит, но при этом умело делал вид, будто кроме них троих в комнате никого больше нет.

Однако Соня подала голос:

– А это... а это еще что за кексик с изюмом? – просипела она, икнула и показала пальцем на Стамоса, который теперь был вынужден повернуться к ней. По его лицу пробежала едва заметная тень отвращения, замаскированная очередной сияющей улыбкой, от которой на щеках проступали ямочки.

– Прошу прощения? – произнес он.

Ника залилась краской. Соня осмотрела Стамоса с головы до ног. Похоже, увиденное пришлось ей по душе.

– Это я тебя сюда привезла? – уточнила родственница и наградила Стамоса кокетливым взглядом.

– Почел бы за счастье, но нет, – медленно проговорил Стамос.

Ника перевела дух. А Стамос снова обратился к девушке:

– Я подожду вас в машине, а мой помощник заберет ваши чемоданы. – С этими словами мужчина скрылся за дверью, весело бросив Соне на прощанье: – Чао, куколка!

Ника проводила его взглядом, пытаясь понять, что сейчас произошло. Затем посмотрела на широко улыбающуюся мать.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – заметила та.

– Я же не могу... – начала было Ника, но Дарья резко оборвала ее.

– Еще как можешь! – яростно прошипела она. – Я изучила весь буклет, это невероятные условия: у тебя будет все для занятий живописью, любая еда, какую пожелаешь! – Дарья погладила дочь по щеке. – Я не допущу, чтобы ты упустила такой шанс... – Она с омерзением оглядела комнату и, наконец, уставилась на Соню, которая, кряхтя, безуспешно пыталась сдвинуть свое тело с дивана. – Ну пожалуйста, давай поедем и хотя бы посмотрим! – взмолилась Дарья. – Если я буду знать, что ты хорошо устроена, то быстрее встану на ноги, а если тебе там совсем не понравится, вернешься, и все!

Ника собиралась ответить нет, но мама взяла ее за руку:

– Ты хоть немного успокоишь мою совесть! – жалобно прошептала она.

Дарья прекрасно знала, на какие кнопки нажимать.

Ника не хотела бросать ее здесь, не хотела оставлять один на один с Соней, долгами, предстоящим судом, но она понимала, что мама права: оставшись, Ника ничем не сможет ей помочь. Лучшей помощью действительно станет ее отъезд.

Вещи были собраны – Ника только и успела, что вытащить два свитера и теперь быстро затолкала их обратно. Соня сумела подняться и теперь бродила по комнате, натываясь на мебель, словно медведь после зимней спячки. Она даже не заметила, как в квартиру ввалился огромный лысый силач и молча подхватил чемоданы Ники. Дарья взглянула в зеркало, накрасила губы красным, надела экстравагантную шляпу в тон помаде, побросала все необходимое

в сумочку, и они уже было собрались уходить, как перед ними, загораживая дверь, выросла Соня.

– Нельзя вам с ним ехать. Это не... без... опасно! – выговорила она, икая.

– Да-да, Соня, – немедленно согласилась с ней Дарья, пытаясь протиснуться к выходу.

– НЕ-ЕТ! – неожиданно зарычала Соня.

Ника испуганно отшатнулась. Но что они могли сделать? Сдвинуть Соню с места им уж точно не по силам...

– О, у меня тут кое-что припасено! – вдруг промурлыкала Дарья. Метнувшись обратно в комнату, она нырнула в одну из сумок и вытащила бутылку бурбона. – Надо отпраздновать переезд! – И она помахала бутылкой у Сони перед носом.

Та мгновенно позабыла, зачем перегораживала дверь. То ли шагнула, то ли повалилась вперед, вцепилась в бутылку и потопала в кухню.

– Тащу три стакана! Сейчас мы эту крошку откупорим! – крикнула она.

– Это же запрещенный прием! – прошептала Ника, которой стало совестно.

– Так и знала, что рано или поздно пригодится, – невозмутимо откликнулась Дарья. – Ну, вперед!

Осторожно, на цыпочках они прокрались к двери, а очутившись за порогом, бросились вниз по лестнице.

На улице ждал лимузин, а рядом с машиной возвышался все тот же огромный силач, который забирал багаж.

– Чемоданы погружены, мисс, – отчеканил он и распахнул заднюю дверь.

Великан уселся на водительское сиденье, и машина резко рванулась с места.

– Шампанского, дамы? – предложил Стамос, показывая на высокие бокалы, стоящие в углублениях рядом с каждым сиденьем.

– Пожалуй, – согласилась Дарья и кокетливо хихикнула. Стамос ждал, когда Ника возьмет свой бокал, но та никак не могла побороть тревожного ощущения неправдоподобности происходящего.

– Мистер Ледерман, можно уточнить... а откуда вы знали, что я соглашусь? Как вы вообще узнаете, согласился человек у вас учиться или нет? – Ника провела пальцем по краю бокала. Еще одна странность тревожила ее: представитель школы настолько пренебрегает законодательством, что предлагает алкоголь несовершеннолетней?!

– Нам редко отказывают, – ответил Стамос, и на миг его улыбка превратилась в холодную и торжествующую.

Такая метаморфоза напугала Нику.

– К тому же ваша мама указала свой телефон, и мы ей позвонили, – весело добавил он и рассмеялся, поднимая свой бокал и предлагая довольной Дарье чокнуться. Ника с облегчением улыбнулась и, обернувшись, увидела, как исчезает из виду Сониного многоэтажка.

Глава 2

В темном-темном лесу



Когда лимузин углубился в горы, Лос-Анджелес и застывшее над ним густое облако смога исчезли в зеркале заднего вида. По пути Стамос оживленно обсуждал с Дарьей политику, тенденции осеннего сезона, взлеты и падения в индустрии моды. Ника молчала и слушала, невольно восхищаясь небрежной элегантностью Стамоса и его манерой вести светскую беседу. Рядом с девушкой в кармане у подлокотника имелся запас журналов, несколько школьных буклетов, таких же, как тот, который ей прислали, и даже альбом современной живописи. Вазочка на откидном столике была заполнена сладостями. Ника лакомилась бельгийским шоколадом, а лимузин катил по серпантину, забираясь все выше и выше по лесистым склонам.

Они ехали уже часа три, и казалось, что поднялись выше облаков. Над ними возвышался синий купол неба, а ниже раскинулось толстое облачное одеяло, укрывшее низкие окрестные горы. У девушки возникло чувство, как будто они пересекли некий барьер, отделявший Олимп от мира простых смертных. «Со всеми нашими проблемами заодно», – подумала она, ощутив легкий укор совести.

Через тонированное стекло Ника видела, как мимо пролетают дорожные указатели: Вилдвуд – пятьдесят миль, двадцать, десять. Однако расстояние до самой Академии нигде не значилось. Когда они наконец въехали в городок, Стамос объявил, что они сделают короткую остановку и прибудут на место через пятнадцать минут.

Вилдвуд был старомодный, уютный, зеленый. Вдоль Главной улицы выстроились хорошенькие бревенчатые домики, переоборудованные в магазинчики. Деревянные крылечки были уставлены корзинами из ивовых прутьев, заполненными полудрагоценными камнями, соляными лампами, «ловушками для снов», кусками мыла ручной работы и вязаными сумками.

Главная улица тянулась всего несколько кварталов и быстро закончилась. На углу у входа в заведение под названием «Сахарно-морожено» толпились подростки. Двое мальчишек сидели на деревянных ступеньках, остальные стояли рядом, ели мороженое и слушали, как их

приятели играют на барабанчиках бонго. Нику охватило радостное волнение от мысли, что и она скоро будет своей в этом городке.

Лимузин снова углубился в густой секвойный лес, и Ника разглядывала проплывавшие мимо величественные темно-красные стволы. Они были высоченные и такие толстые, что, казалось, их и впятером не обхватить.

Машина свернула с большой дороги и выехала на залитое солнцем открытое пространство, которое перерезала белая стена с черными металлическими воротами. У ворот стояли два охранника в черно-красной униформе. Увидев лимузин, один из них что-то произнес в рацию, и ворота тут же распахнулись. Лимузин въехал на территорию, и впереди показалось здание Академии. Это было строение из двух корпусов кубической формы, соединенных надземной стеклянной галереей.

Здание сверкало на солнце, и его скругленные ребра напомнили Нике гальку, которую она собирала на сан-францисских пляжах, – гладкие, отшлифованные волнами камешки. Большие окна были разными: круглые, овальные, прямоугольные, от пола до потолка. К парадному входу вели широкие ступени.

«Прямо разворот из „Архитектурного дайджеста“, – восхитилась про себя Ника, впечатленная увиденным.

Кованая вывеска у входа гласила: «Директорский флигель», а на стенах обоих корпусов красовались огромные великолепные логотипы Академии – переплетенные A и W.

– Проект японских архитекторов, – сообщил Стамос, махнув рукой в сторону оригинального строения.

Машина остановилась.

– Добро пожаловать в Вилдвудскую академию! Сейчас начнется первая часть ознакомительной экскурсии! – провозгласил мужчина.

Ника с Дарьей вслед за Стамосом вышли из лимузина и направились к зданию. Дорожка была посыпана опилками красного дерева и пружинила под ногами, а по бокам тянулся бордюр из мрамора. «Будто струйка крови на бледной коже», – внезапно подумала девушка.

Большие двери парадного входа разъехались, открыв просторный холл в светлых тонах. Он переходил в стеклянную галерею, что вела в комнату с четырьмя дверями – видимо, приемную. Комната была обставлена современной мебелью: несколько белых кресел, похожие на стайку осьминогов, и стеклянный журнальный столик на ножке из настоящего пня с корнями. Одна стена была полностью завешана картинами в золоченых рамах. В углу стоял белый письменный стол, а за ним сидела красивая рыжеволосая секретарша и что-то печатала. Увидев Стамоса, она произнесла профессионально-приветливым тоном:

– Здравствуйте, мистер Ледерман.

– Здравствуйте, Эмили, – кивнул ей Стамос. – Это Дарья и Вероника Мейсон. В нашем вилдвудском семействе пополнение!

Ника заметила, что Эмили явно робеет в присутствии Стамоса. Стоило тому отвернуться, как она торопливо поправила волосы и одернула блузку. «Наверное, он почти на всех женщин так действует», – подумала Ника.

– Эмили, предложите нашим гостям напитки, – медовым голосом попросил Стамос.

– Да-да, конечно! – Выпорхнув из комнаты, Эмили исчезла за одной из четырех дверей.

Стамос вскинул руку, продемонстрировав последнюю модель «Ролекса», затем повернулся к Дарье – его раскосые глаза были полны самого искреннего сожаления.

– Был несказанно рад познакомиться, милые дамы. Дарья... – Он расцеловал Дарью в обе щеки на французский манер. – Увы, мне пора идти. Вероника, счастлив был встретиться. Надеюсь, мы вскоре увидимся!

– Зовите меня просто Ника, пожалуйста, – ответила девушка. – Большое спасибо, что привезли нас.

– Я нечасто сам привожу сюда студентов, – сухо отозвался Стамос. Что-то в его голосе подсказало Нике, что он считает это ниже своего достоинства. – Однако ваши работы произвели на меня особенно сильное впечатление. Вот я и решил, что надо познакомиться с вами, пока вы не стали здешней звездой.

Его комплимент и смутил Нику, и польстил ей.

– Спасибо... – неловко выговорила Дарья. – Я тоже очень рада нашему знакомству, – проворковала она.

– И я. Прошу вас, пришлите мне приглашение на ваш следующий показ. Приму его с удовольствием! – воскликнул Стамос.

– Разумеется! – Дарья совсем растаяла от восторга.

Ника закатила глаза.

– Дальше экскурсию проведет Эмили. И скоро должна приехать студентка, которая будет вашей соседкой по комнате, – добавил Стамос.

Он направился к одной из двух дверей в дальнем углу – к той, на которой была табличка «Канцелярия» и кодовый замок. Ника заметила, что Стамос набрал на нем комбинацию – 624376, – и дверь открылась. Ника поспешно отвела глаза: как бы Стамос не решил, что она подглядывает. Крикнув: «Чао!», мужчина удалился.

– Чао, – проговорила Ника, однако дверь уже захлопнулась.

Теперь Ника с мамой остались одни. Дарья не спеша обошла приемную, осматривая все детали с любопытством и восторгом. На лице у нее сияла мечтательная полуулыбка.

На стене висел плоский телеэкран, на котором мелькали сценки из школьной жизни, фоном шла классическая музыка. Подойдя поближе к стене с фотографиями, девушка поняла, что перед ней электронные фоторамки. На экранах вспыхивали и гасли снимки. «Знаменитости», – поняла Ника, узнав голливудскую актрису, певца в стиле кантри, звезду Болливуда. И почти на всех снимках мелькал один и тот же сухощавый человек средних лет – он пожимал руки, улыбался, приветственно махал...

Дарья подошла и тоже уставилась на фотографии. С видом триумфатора мать подмигнула дочери, и тут из-за двери появилась Эмили, а в руках у нее был поднос с бузиновым лимонадом, мятными макаронами и серебряной вазочкой малины.

Ника устроилась в кресле и сделала глоток лимонада – холодного и освежающего. Она вспомнила, как в прошлой школе их с мамой вызывали к завучу. Он прочитал Дарье лекцию, как помочь Нике повысить стремительно ухудшающуюся успеваемость, а секретарша, чтобы смягчить удар, принесла воды из-под крана в пластиковых стаканчиках. Это было совсем недавно – и, казалось, в другой вселенной. Эмили вернулась за стол и снова принялась молча печатать. Через несколько минут телефон зазвонил, она сняла трубку, что-то негромко сказала и положила обратно.

– Директор ждет вас, – сообщила секретарша и пригласила Нику и Дарью следовать за собой. Мать с дочерью вошли в последнюю, четвертую дверь, за которой обнаружилась винтовая лестница. И снова Ника ощутила приступ непонятной тревоги. Эмили отошла в сторону, пропуская их.

Две стены в директорском кабинете были стеклянные, здесь же стоял великолепный стол красного дерева и три кресла – еще более роскошные, чем в приемной. Из-за стола поднялся мужчина в элегантном синем костюме. Он уже начал лысеть, однако над ушами и на затылке волосы были по-прежнему густыми, и казалось, что это не лысина, а высокий аристократический лоб. Это был тот самый человек с фотографий. Он посмотрел Нике прямо в глаза и улыбнулся.

– Добро пожаловать в Вилдвудскую академию! – воскликнул мужчина. – Прошу вас, садитесь. – И показал на два осьминогообразных кресла перед собой.

Дарья уселась первой и протянула мужчине руку.

– Дарья Мейсон. Рада познакомиться.

– Директор Академии Стивен Эдисон, но, пожалуйста, зовите меня Стив, – приветливо ответил тот.

Ника заметила, что мама даже надела кольца с бриллиантами. Те самые, которые ей ловко удалось уберечь от изъятия, ведь это была единственная память о муже. Ника нащупала на груди сквозь свитер отцовский солдатский жетон и с облегчением выдохнула.

Директор пожал руку Дарье, и Ника сразу отметила, какие у него длинные и тонкие пальцы. А еще девушка почувствовала, что у директора все было тщательно подогнано – и костюм, и фигура, и кабинет.

– А вы, должно быть, Ника. – Стивен Эдисон смотрел на нее с живым интересом.

Девушка подумала, что ему, наверное, за пятьдесят; пусть выглядел мужчина моложе, но на лице все же проступали едва заметные следы борьбы с проявлениями возраста. Ника видела немало женщин, которые делали себе инъекции ботокса, так что ей сразу бросилось в глаза, что кожа у директора неестественно натянута на лбу, а когда он улыбается, на щеках не появляются носогубные складки. Глаза у него были маленькими, карими, а губы имели странный лиловый оттенок. Когда мужчина улыбнулся, Ника заметила, что зубы у него совсем не такие белые, как у Стамоса.

– Еще раз добро пожаловать, милые дамы, мы рады, что вы здесь, – сказал он.

– Спасибо. У вас очень красиво. – Дарья сняла шляпу и положила к себе на колени.

– Да. Это. Так, – согласился директор, делая после каждого слова эффектную паузу. – Вас, моя дорогая, пригласили сюда, – он повернулся к Нике, – поскольку мы отметили ваш выдающийся талант.

Дарья гордо улыбнулась.

– Однако должен предупредить, что учиться у нас непросто, – продолжал директор, впиваясь в девушку глазами-бусинками. – К тому же у нас строгие правила.

Ника поерзала, не уверенная, надо ли отвечать.

– Мы ожидаем, что вы будете стараться, потому что лентяям здесь не место. – Снова пауза. – Наши цель и задача – развитие ваших способностей, эволюция вашего творчества и, разумеется, совершенствование вашей техники.

Без сомнения, эта речь была отрепетирована и произнесена уже не раз.

– Талант – материя неуловимая, его следует цивилизовать и обуздать! – торжественно провозгласил директор и даже взмахнул рукой, будто ухватил в воздухе искорку таланта. – Иначе мы утратим его безвозвратно!

– Полностью с вами согласна! – Дарья гордо улыбнулась. – Моя дочь очень талантлива. Она добьется больших успехов – особенно в такой прекрасной обстановке...

– Не сомневаюсь! – Мужчина оценивающе оглядел девушку – так, словно та была лошадь-фаворитом на дерби.

Ника почувствовала, что краснеет. Никогда в жизни ее столько не хвалили. Но теперь, когда оказалось, что эта школа все же существует, ей стало страшно: вдруг теплые приветствия на самом деле окажутся замаскированным собеседованием, которое она может не пройти. Директор словно прочитал ее мысли:

– От имени Академии приношу вам свои извинения за то, что сообщили о приеме так поздно. Несколько дней назад мы получили от одного из спонсоров щедрый взнос, и это дало нам возможность пересмотреть личные дела возможных абитуриентов и набрать всех, кто нам понравился, гарантировав пансион и стипендию.

– Признаться, я не совсем понимаю... Каким образом вы добились, чтобы все это было совершенно бесплатно?! – выпалила Ника, удивляясь собственной смелости.

Дарья обожгла дочь сердитым взглядом, а директор рассмеялся.

– Да, конечно, такие предложения случаются редко! Однако у нас достаточно учеников, родители которых имеют возможность оплатить обучение в нашем учебном заведении. Нас поддерживают спонсоры, которые считают важной атмосферу творчества, которую мы создаем. Благодаря этому нашими студентами становится особо одаренная молодежь, которой предлагается полное содержание.

– А для чего это школе? – не унималась Ника.

– Ну, скажем так: если вы станете следующим Энди Уорхоллом, это в будущем привлечет в нашу Академию больше платных студентов, – расхохотался директор.

Ника успокоенно вздохнула – такого искреннего ответа ей вполне хватило. Мужчина поднялся, Дарья и Ника последовали его примеру.

– Вы любите, когда с вами честны и откровенны, это мне по душе. – Директор снова улыбнулся Нике, и она ответила тем же.

Дверь в кабинет открылась, появилась Эмили.

– Снаружи вас дожидается наша студентка, которая проведет экскурсию по нашему скромному учебному заведению. – Директор негромко засмеялся собственной шутке.

Перед тем как выйти из кабинета следом за Эмили, Ника обернулась и увидела, что тонкие губы мужчины растянуты в широкой улыбке, насколько позволяло его противоестественно молодое лицо. А потом дверь закрылась.

* * *

«Экскурсоводом» оказалась старшекурсница с вокального отделения по имени Элоиза. Ее внешний вид так резко контрастировал с роскошными интерьерами директорского флигеля, что Ника всю дорогу едва сдерживалась, чтобы не таращиться на ее линялый джинсовый комбинезон, из-под которого выглядывали носки в желтую полоску. Светлые волосы с отдельными голубыми прядями Элоиза заплела в две косички – точь-в-точь Пеппи Длинныйчулок, только в панковском варианте.

Когда они уселись все в тот же лимузин, Дарья поинтересовалась у Элоизы, каким именно вокалом она занимается. Вместо ответа Элоиза тут же, прямо в машине, с поразительным мастерством исполнила отрывок из «Травиаты». От ее мощного голоса Дарья снова пришла в восторг. А вот Ника даже испугалась. Неужели ее почеркушки могут сравниться с таким ярким талантом? «Надеюсь, тут не все такие одаренные!» – встревоженно подумала она.

Уже стемнело, поэтому экскурсия оказалась короткой. Лимузин медленно кружил по кампусу, а Элоиза указывала на здания, которые тонули во тьме, и перечисляла по порядку:

– Это театральный корпус, вот концертный зал, а вон там еще картинная галерея.

На Нику особенно сильное впечатление произвела библиотека – огромное квадратное стеклянное строение, перед которым расстился японский сад камней. Все окна в библиотеке горели, так что это оказалось единственное здание, которое Ника сумела как следует рассмотреть и снаружи, и внутри. Залы были уставлены стеллажами, полки ломились от книг. Нике очень хотелось туда зайти, но лимузин покотился дальше, въехал на гору и затормозил перед тремя большими белыми домами.

– Это «Чедберн», женское общежитие старших курсов, – показала Элоиза на первый дом и подмигнула: – Для самых клевых девчонок!

– Наверное, и твоя комната там, – усмехнулась Ника.

– В точку! А это «Блэкстон». Мужское общежитие. – Здание стояло посередине и было немного выше остальных. – Вообще-то девочкам заходить туда запрещено, – добавила Элоиза с деланным огорчением, и сразу стало понятно, что это правило особенно не соблюдают. – А это твой дом, «Роузленд», – объявила Элоиза.

Название – «Страна роз» – Нике понравилось. Современное сооружение было похоже на директорский корпус, только выше – целых пять этажей. На фасаде тоже красовался огромный логотип Академии. Вдоль стены в несколько рядов были высажены вишни. А вдоль дорожки,

которая вела к входу, цвели розовые кусты – выглядело это просто потрясающе. Ника услышала, как мама рядом глубоко вздохнула, явно тоже очарованная увиденным.

– Жалко, что несколько лет придется ждать, пока тебя переведут в «Чедберн», – сказала Элоиза и презрительно сморщилась, кивнув в сторону «Роузленда».

– А почему? – спросила Дарья.

Девушка замялась.

– Э-э... понимаете, я не очень люблю розовый цвет, – объяснила она. Ника и Дарья недоуменно уставились на нее. – Лучше один раз увидеть...

Они пошли к дверям. Но Элоиза вдруг остановилась.

– Я забыла сказать, что вход в общежитие разрешен только учащимся и сотрудникам. Из соображений безопасности.

Элоизе было явно неловко: Дарья не увидит, где будет жить ее дочь.

– Шофер отвезет вас, куда скажете, а комнату вы посмотрите в родительский день или перед каникулами, – утешила огорченную Дарью Элоиза.

А Ника вдруг поняла, что мама сейчас уедет и они в первый раз расстанутся так надолго!

– Здесь у тебя все сложится замечательно, – взволнованно проговорила Дарья, обняла дочь так сильно, что Ника чуть не задохнулась, и шепнула ей на ухо: – Я так счастлива за тебя, моя девочка!

Мама еще ненадолго задержала Нику в объятиях, а потом спустилась с крыльца.

– Рада была познакомиться, миссис Мэйсон! – крикнула Элоиза ей вслед.

– И я! – махнула ей Дарья в ответ. У подножия лестницы, прежде чем сесть в машину, она обернулась и подмигнула дочке: – Я же тебе говорила, все будет хорошо!

Нике хотелось сказать так много всего... Но удалось выдать только: «Я буду скучать». Дарья опустила стекло.

– Я тоже буду скучать, солнышко. И не огорчайся, в родительский день мне покажут твою спальню. Не забудь перед сном позвонить мне! – успела добавить она, и лимузин рванул с места.

Ника смотрела вслед, пока машина не скрылась из виду. А потом огляделась вокруг. На вершине холма было не так темно, и при свете луны и звезд Ника различила внизу простирающийся до самого горизонта лес. На небольших открытых участках уютно устроились школьные корпуса и еще здания – квадратные или прямоугольные, все – современной архитектуры, а между ними вились песчаные тропинки.

В отдалении девушка разглядела что-то вроде гигантского опрокинутого желтого тента, натянутого между деревьев наподобие гамака для великанов. Надо будет обязательно разведать, что это такое. А пока следом за Элоизой Ника устремилась в общежитие. Элоиза провела карточкой в пазу считывающего устройства, прикрепленного у косяка, и толкнула дверь.

– Не хочу тебя обламывать, но могут быть сложности с тем, чтобы маме позвонить, – сказала она, когда девушки вошли в вестибюль общежития. – Здесь нет сотовой сети.

– Как это нет? – Ника не поверила своим ушам.

– Говорят, что вроде бы горы мешают, но, скорее всего, сделано это специально. Директор обычно отвечает так: «Сотовая связь отвлекает молодежь и не дает в полной мере раскрыть свои таланты».

Пародия на директора получилась очень похожей, и Ника усмехнулась, отдавая должное актерскому таланту Элоизы. «Но как же позвонить маме?» – расстроилась Ника, и в тот же момент заметила, что в углу холла висит обычный телефон.

Следом за Элоизой девушка прошла в большую, роскошно обставленную общую гостиную, стены которой были оклеены нежно-розовыми обоями. Повсюду виднелись пробковые доски для афиш и объявлений, которые пока что пустовали. С обеих сторон в общую комнату вели лестницы, а в самом углу прятался маленький лифт. На диване устроилась компания

девушек, все они громко хихикали. Выйдя из лифта на третьем этаже, Элоиза повела Нику по коридору и, сверившись с мятой бумажкой, которую извлекла из кармана, остановилась у двери с номером 5.

– Ага, тебе сюда.

Она снова просканировала карточку, после чего замигала зеленая лампочка, и дверь открылась. Ника очутилась в уменьшенном варианте общей гостиной – розовые обои и шикарная деревянная мебель. Еще одна дверь из гостиной вела в спальню.

– Кажется, я уловила, какой тут фирменный стиль. – Ника с улыбкой повернулась к Элоизе.

– Я же тебе говорила! Декор подбирали спонсоры, а это здание построено на средства одной домохозяйки, которая купила себе чуть ли не герцогский титул. У нее пунктик – розы и английские поместья. Остальные здания отделаны совершенно иначе, – поспешно добавила Элоиза. – Наше общежитие финансировала немецкая дизайнерская компания, так что там, конечно, лучше. – Она пренебрежительно оглядела комнату. – Приходи в гости, сама увидишь.

В ответ на приглашение Ника радостно закивала. Осмотревшись, она подумала, что, несмотря на избыток розового, интерьер общежития был просто потрясающий. Ника зашла в спальню и обнаружила, что ее чемоданы уже поставлены у одной из аккуратно застеленных кроватей. В спальне была еще одна дверь, из-за которой слышалось, как журчит вода.

– Ты знаешь, как зовут мою соседку? – спросила Элоизу Ника.

– Э-э... – Элоиза снова развернула смятую бумажку. – Стелла Вайнштейн, первый год обучения, специальность – модельер.

Вот это да! Ника не без робости покосилась на дверь в ванную, а Элоиза вручила девушке карточку-ключ.

– Это универсальный пропуск – без него не попасть ни в комнату, ни в остальные школьные корпуса. По карточке отслеживают твои перемещения, чтобы ты не нарушила комендантский час или еще что-нибудь. Если пройдешь куда-нибудь по чужой карточке, тебе просто голову оторвут. Если потеряешь карточку, сразу же сообщи в администрацию! – с нажимом проговорила Элоиза.

Ника кивнула и бережно, словно какую-то драгоценность, взяла карточку.

– Ну, в общем, устраивайся, – помолчав, добавила Элоиза. – Если будут вопросы или проблемы, вот тут у тебя возле шкафа кнопка вызова домоправительницы, она со всем разберется.

«Домоправительница?» – повторила Ника про себя, дивясь старомодному словечку. Интересно, а какие у домоправительницы обязанности? Спрашивать она не стала, потому что Элоиза уже стояла у двери, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– На кровати папка с информацией для вновь прибывших. Ну что, пока? Увидимся позже, – заторопилась Элоиза.

– Да, конечно. И спасибо тебе большое – и за экскурсию, и вообще! – воскликнула Ника. Элоиза улыбнулась.

– Рада помочь! – Уже выйдя в коридор, девушка остановилась. – За экскурсии добавляют баллы на экзаменах, так что слишком не благодари, просто назови в мою честь свою дочку, и мы квиты, – пошутила она. – До скорого! – Махнув рукой, Элоиза умчалась.

Ника снова осталась одна. Она прошла по комнате, чтобы не торопясь разглядеть обстановку, в которой ей придется жить: два одинаковых деревянных шкафа, лиловая бархатная кушетка, розовые с лиловым ковры и небольшие деревянные секреты.

Девушка подошла к кровати, села на нее, с удовольствием утонув в пышной перине. Погладила цветочного рисунка покрывало, сразу вспомнив, откуда оно: из модного магазина «Виндзор и Велл» в Беверли-Хиллз, где продавали английский текстиль. Проверила себя – посмотрела на этикетку – и улыбнулась: память ее никогда не подводила.

Ника скинула туфли, легла и уставилась в потолок – он тоже был розовым. Она задумалась, не пора ли распаковать вещи, но кровать была такая удобная, что вставать не хотелось.

Тут скрипнула дверь ванной, и оттуда вышла девушка, закутанная в нежно-голубое полотенце, придерживая второе такое же, обернутое вокруг головы наподобие тюрбана. Из-под тюрбана выбилось несколько каштановых прядок, прилипших к мокрому лбу. При виде Ники девушка округлила карие глаза.

– Привет! – просияла она. – Я Стелла, а ты Ника, да?

– Да, привет, – улыбнулась Ника в ответ, садясь.

– Мне сказали, как зовут мою соседку, когда везли сюда утром. Ты ведь будешь учиться на факультете изобразительного искусства? – взволнованно продолжала Стелла. Ника кивнула. – Ой, надо же, я тоже! – взвизгнула соседка.

Новая знакомая была маленькой, гораздо ниже Ники, и тоненькой, губки бантиком и наивные глазки кофейного цвета, а вот внушительный нос в профиль казался великоватым для небольшого личика. Стелла подошла к своему шкафу и открыла его. Соседка Ники уже успела распаковать свои вещи: полки были набиты битком – аккуратные стопки одежды, футляры с украшениями, сумочки, а внизу громоздились обувные коробки. Стелла вытащила новую шелковую блузку, оторвала бирки, выбросила их в мусорную корзинку.

– Ну что, волнуешься? Какой уровень стресса по десятибалльной шкале? – бросила она через плечо и спряталась за дверцей шкафа, чтобы одеться.

– Даже определить не могу, – отозвалась Ника. – Все произошло так быстро. Никак не опомнюсь.

– А почему быстро? – без особого интереса спросила Стелла, показываясь из-за двери шкафа в новеньких джинсах и белой блузке.

Ника заметила, что одежда в шкафу у Стеллы висит в пластиковых чехлах, а на полу у кровати сложены стопкой фирменные пакеты – в таких обычно хранят дорогую красивую обувь и сумочки. На нижней полке шкафа стоял сейф – запертый. «А значит, в нем что-то уже спрятано, – поняла Ника и задумалась, что бы ей спрятать в свой сейф. – Может, солдатский жетон, когда я его снимаю?» – размышляла она. Однако от идеи сразу пришлось отказаться: все равно отцовский солдатский жетон почти всегда на ней.

– Ну да, меня приняли только три дня назад, – ответила Ника.

– Правда? Письма же рассылали еще в мае. Три дня! Разве можно так поступать с человеком? Даже собраться толком не дали! – Похоже, Стеллу такая перспектива искренне ужаснула.

– Нет, никто не виноват. Просто в Академии только недавно получили дополнительное финансирование, вот и смогли в последнюю минуту назначить еще одну полную стипендию.

Стелла снова вытаращила глаза.

– Тебе дали полную стипендию?!

Тон соседки насторожил Нику, которой не понравилось, какое направление принял разговор.

– Да, дали, а что? – с вызовом в голосе спросила Ника.

– Ух ты! – Стелла села на кровать. – Значит, ты наверняка очень талантливая.

Услышав в голосе соседки зависть и тоску при слове «талантливая», Ника смягчилась. Ее взгляд упал на стену за спиной у Стеллы. Там скотчем было прикреплено несколько рисунков – наброски моделей одежды. Миленькие, но ничего выдающегося. Стало ясно, почему Стелла спросила про стипендию. Устыдившись того, что чуть не перешла в наступление, Ника покосилась на Стеллу и увидела, что та тоже смотрела на собственные рисунки.

– Очень славные, – подбодрила ее Ника.

– Ты правда так думаешь? Спасибо! – Стелла ожила и с жаром сообщила: – Хочу стать модельером!

Ника промолчала. Во всем, что касалось моды и дизайна, ей было сложно кривить душой и изображать восторг. Уж в этом-то она прекрасно разбиралась! Однако Стелла сама быстро сменила тему:

– Слушай, а симпатичные мальчики здесь есть?

Ника едва не упомянула Стамоса, но потом решила, что хотя он, конечно, красавец, однако под категорию «мальчиков» не подходит.

– Да нет, во время экскурсии никто не встретился, – посетовала она.

Стелла взглянула на настенные часы.

– Время ужинать, пошли? – предложила она.

Ника поняла, что даже после проведенной экскурсии не представляет, как устроена новая школа. И где столовая, она тоже не знала. Девушка вспомнила про папку с материалами для вновь прибывших, которую так и не успела изучить.

– Да-да, пошли, конечно! – обрадовалась она тому, что не придется искать столовую самой.

Стелла изучила свое отражение в зеркале, критически оценив себя со всех ракурсов. Ника быстро окинула взглядом свое коротенькое синее платьице: за последнее время девушка сильно похудела, и платье болталось на ней. Давно не стриженные кудри ниспадали ниже лопаток. «Сойдет и так», – решила она и вслед за Стеллой вышла из комнаты.

Столовая располагалась ниже по склону, в здании, которое, как и библиотека, было сплошь из стекла. Увидев выстроившуюся у входа очередь из студентов, Ника занервничала, но Стелла ободряюще улыбнулась.

– А что, при входе никого не проверяют? – удивилась Ника. В ее старой школе в столовую можно было попасть только по пропуску.

Стелла взглянула на нее:

– Сомневаюсь, чтобы кому-нибудь захотелось забраться на две тысячи футов в горы только для того, чтобы украсть еду! – И сама рассмеялась от такого нелепого предположения.

Очередь двигалась быстро, и девушки вскоре оказались у шведского стола. Сначала показалась стойка с закусками, где среди прочих блюд красовались кусочки дыни, завернутые в пармскую ветчину, копченая лососина, украшенная каперсами, башенки сашими. Отдельно стоял сырный стол. В качестве основного блюда сегодня предлагали филе-миньон, жареный сибас, мидии, обильно политые соусом, и бараньи котлетки с зеленью. За небольшим прилавком необъятных размеров повар раздавал тончайшую хрустящую пиццу, которая выпекалась в настоящей печи. Ника огляделась вокруг – похоже, никто не разделял ее восторгов. Стелла критически разглядывала моцареллу с помидорами: «Не первой свежести капрезе, между прочим», – бормотала она с презрительной гримаской. Ника отошла от нее и еще покружила по залу, нагружая тарелку деликатесами.

Девушка обнаружила Стеллу рядом с холодильником с мороженым. Ника села рядом.

– А что ты любишь рисовать? – спросила Стелла и сунула в рот оливку.

– Я люблю детали, – ответила Ника. – Обожаю рисовать всякие подробности на одежде – пуговицы, складочки. И когда людей рисую, тоже сосредотачиваюсь на деталях – кожа, веснушки, руки.

Стелла покивала, но вид у нее был удивленный.

– погоди, я как-то не понимаю... То есть, если ты видишь хорошенький домик, ты рисуешь не хорошенький домик, а ручку от двери в хорошенький домик? – уточнила она.

– вроде того, а еще я люблю детали в природе, – рассмеялась Ника и с аппетитом принялась за жареную рыбу. Подняв глаза, она увидела, что Стелла смотрит на нее с еще большим недоумением, и снова положила вилку. – Ладно, вот представь себе, что ты смотришь вблизи на лепесток или кладешь кусок коры под микроскоп и видишь, что они состоят из тысячи затейливых мелких частей... – Стелла кивнула. – Так вот это я и люблю рисовать.

Соседка помолчала – наверное, ломала себе голову, зачем человеку рисовать кусок коры.
– А я вот рисую наряды, и все, – произнесла она задумчиво – видимо, прикидывала, стоит ли ей тоже начать рисовать «детали». – А парень у тебя есть? – задала она новый вопрос, и снова оживилась.

– Не-а, – смущенно ответила Ника. Честно говоря, она даже не могла вспомнить, когда ей в последний раз понравился какой-нибудь мальчик. Ну, разве что лет в двенадцать. – А у тебя?

– Ну... – Стелла выпрямилась, обрадованная возможностью рассказать о себе. – Дома у меня есть несколько потенциальных ухажеров, – уклончиво ответила она. – Но мне хочется, чтобы в Академии у меня была свобода выбора: здесь наверняка будут перспективные молодые люди, мне что попало не нужно! Нет, пойми меня правильно, дома ребята тоже ничего, но ведь надо рассмотреть все варианты, и вообще мужчинам нравятся недоступные девушки! – заявила Стелла со знанием дела. Казалось, что соседка цитирует статью из журнала.

Стелла умолкла, дожидаясь, что Ника начнет спрашивать об оставшихся дома поклонниках или хотя бы поинтересуется, где это «дома», но Ника ее уже не слушала: в столовую размашистым шагом вошел директор. Он обходил зал, пожимая руки и мило беседуя со столпившимися вокруг студентами, которые так и рвались с ним поговорить и даже вставали в очередь, чтобы поздороваться.

– Как тебе директор? – спросила она у Стеллы.

Стеллу явно огорчило, что разговор перешел с мальчиков на школьное руководство.

– Нормально. Страшноватый, конечно, но так ничего.

– А он... он не смотрел на тебя как хищник на добычу? – спросила Ника и тут же поняла, как странно прозвучал вопрос.

– Гм... да нет. – Стелла повозила вилкой в тарелке с салатом и с явным любопытством поглядела на Нику. – А что? Ну-ка, рассказывай все с самого начала.

Этого вопроса Ника всегда боялась. Она не любила врать и всегда предпочитала правду, но ведь стоит ее сказать, и тебя забросают идиотскими или бестактными вопросами. Как погиб твой отец? Каково это – переезжать из одного штата в другой? Разве тебе это не тяжело?

– Ну, вообще-то я из Бостона, – решила Ника.

– Так я и знала! – Стелла даже подпрыгнула. – Я же слышу – у тебя легкий акцент!

– Я уехала оттуда в три года, – продолжала девушка, – и с тех пор мы с мамой много путешествовали.

Ника рассчитывала на этом и закончить свой рассказ, но Стелла явно заинтересовалась.

– Как это – путешествовали? – уточнила она.

– Ну, переезжали из одного города в другой... – с небрежным видом проговорила Ника, пожимая плечами.

– Почему? – допытывалась Стелла.

Окружающие всегда считали, что для таких частых переездов обязательно должна быть веская причина. Однако пускаться в объяснения девушке совсем не хотелось.

– Понимаешь, нам просто надоедает сидеть на одном месте, – соврала она.

На самом деле если кому-то и надоедало сидеть на одном месте, то это Дарье – и тогда «они решали», что пора бы переехать. Однако Стелла восхищенно вытаращила глаза:

– Ух ты, как круто! – воскликнула она. – А меня даже на курорт и то не отпускали, – с завистью в голосе добавила соседка.

Свет в столовой внезапно потускнел – столовая закрывалась. Довольная тем, что можно не продолжать, Ника вскочила с места.

Девушки поставили пустые тарелки и подносы на тележки и направились обратно в «Роузленд».

* * *

Ника изучала папку для вновь прибывших до позднего вечера. Она с удивлением обнаружила, что расписание, составленное в соответствии с общей программой и занятиями в «мастерских», каждую неделю будет меняться. А на этой неделе должно состояться торжественное собрание в честь начала учебного года и студенческий концерт.

После сытного ужина у Ники появились силы разложить вещи, так что ее шкаф тоже оказался забит, а потрепанные чемоданы на неопределенное время спрятались под кроватью. Стелла также распаковала оставшийся багаж – несколько саквояжей от Луи Витона – и устроилась на кровати со свежим номером «Космополитена».

Из еле заметного динамика на стене прозвучало: «Пожалуйста, погасите свет». Ника послушно переоделась в пижаму и с удовольствием забралась под одеяло. Постельное белье оказалось необычайно мягким и приятным. Когда они с мамой переезжали, то обычно останавливались в дешевых мотелях и хостелах или жили на съемных квартирах, и там белье всегда было жесткое и сыроватое.

Стелла глядела в потолок и отчаянно боролась со сном в надежде, что удастся еще посплетничать о первом дне в Академии. Но соседка лежала тихо, поэтому прошептала: «Приятных снов», Стелла отвернулась к стене.

Ника наслаждалась темнотой и тишиной, и мысли ее блуждали в прошлом. В памяти всплывали далекие туманные картины бостонской жизни – теперь этот город почти ничего для нее не значил, но она помнила пронизывающий зимний ветер и отцовские следы на снегу...

Девушка смотрела на розовый потолок, размышляя, одобрила бы мама такое цветовое решение. «Если бы ее сюда пустили... – виновато вздохнула она и решила: – Опишу ей все по телефону».

Тут Ника подскочила в кровати. Она же забыла позвонить маме! Ника не сомневалась, что та уже напридумывала себе всяких ужасов. Или решила, что дочь о ней сразу забыла. От этой мысли Ника пулей вылетела из постели. Усевшись на пол, нащарила мобильный в одной из сумок. Включила. Нет сети. Ника взглянула на Стеллу. Та слегка похрапывала с полуоткрытым ртом. Ее розовый сотовый самой последней модели заряжался на столике у кровати. Ника подкралась поближе и взяла телефон. К аппарату была подвешена целая гроздь розовых брелочков, которые громко зазвенели. Ника поспешно сжала их в кулаке и покосилась на Стеллу, но та блаженно спала.

Индикатор сети ее телефона не показывал ни одного деления. Точно, Элоиза же предупреждала, что здесь нет сети! И тут ее осенило... Забыв о том, что в руке у нее чужой телефон, Ника открыла окно, высунулась наружу и уставилась на индикатор. Ничего. Тогда она выставила вперед руку, протянув ее как можно дальше. Вдруг появилось одно деление. Ника торопливо набрала номер, нажала кнопку соединения, звонок прошел: один гудок, два гудка... И тут телефон Стеллы выскользнул у Ники из руки и полетел на землю. Ника вскрикнула и тут же зажала себе рот. Девушка с ужасом смотрела вниз, ожидая увидеть под окном его обломки. Но когда ее глаза привыкли к темноте, она заметила на дереве что-то блестящее. Брелочки! Они зацепились за ветку!

Схватив пластиковую карточку-пропуск, Ника выскочила за дверь, на цыпочках прошла по полутемному коридору к лифту. Спускаясь на первый этаж, девушка заметила в верхнем углу кабины камеру видеонаблюдения. Следит ли кто-то сейчас за ней? И будут ли у нее неприятности?

В общей гостиной вдоль стен горели ночники, освещая комнату неярким светом. Ника уже двинулась к входной двери, но вдруг остановилась, посмотрела на карточку в руке и вспомнила, о чем ее предупреждала Элоиза. Нарушать комендантский час в первый же день было, конечно, нельзя. А еще нельзя, чтобы соседка узнала о том, что Ника уронила ее телефон. Вдруг потянуло холодом, и Ника обернулась. Створка одного из окон была приоткрыта. Девушка мгновенно приняла решение: распахнула окно еще шире и выпрыгнула наружу.

Приземлившись, Ника шлепнулась, расцарапав голые коленки – пижамные шортики были слишком короткими. Зашипев от боли, девушка поднялась, стряхнула с кожи мелкие камешки и бросилась к дереву, на котором видела мобильник. Оказавшись у мощного ствола, она вгляделась в гущу листвы. Телефон висел высоко на ветке.

Цепляясь за сучья, Ника полезла вверх. Вскоре ей удалось добраться до болтавшегося на ветке мобильника. Девушка подползла как можно ближе – осталось только руку протянуть. И тут до Ники донесся чей-то голос – от испуга она чуть не свалилась, однако сумела сохранить равновесие и посмотрела вниз. Из леса вышел парень, который направился к тому самому дереву, на котором сидела Ника. Незнакомец громко говорил и жестикулировал.

– Слушай, я же сказал: мне здесь не нравится, – услышала Ника. – Ты обещал, что я проучусь только год, а прошло уже два!

Наступила пауза, как будто говоривший ждал ответа, но ответа не последовало.

– Вот что, – прорычал незнакомец, – я с тобой говорить не хочу, я хочу поговорить с дядей. Ясно тебе? Это мне он дядя, а тебе – начальник! И мне плевать, что уже час ночи! А я с ним сто лет не разговаривал! – Парень явно злился. – Знаешь, что бывает, когда я не получаю, чего хочу?

Тут Ника наконец сообразила, что парень говорит по телефону: ей-то была видна только его макушка. Ветка, на которой сидела девушка, под ее весом стала сгибаться, Ника испугалась, что вот-вот свалится. Она дотянулась до мобильника соседки, осторожно сняла его и сунула в карман. Ветка дрожала, мышцы на ногах Ники тоже. Выхода не было, и Ника пустилась в обратный путь по стволу.

– Как это – он не желает со мной разговаривать?! – орал парень, давась словами. Теперь в его голосе звучало отчаяние. – Не хочу я тут торчать! – рявкнул он, отключил телефон и что есть силы пнул ствол.

Ника находилась уже на предпоследней ветке и уповала только на то, что незнакомец не посмотрит вверх и не увидит ее. Девушка ступила на нижний сучок и... потеряв равновесие, соскользнула вниз. Схватила за соседнюю ветку, но та с громким треском сломалась, и Ника больно шлепнулась на землю. На мгновение зажмурившись, девушка отчаянно желала стать невидимой и раствориться в воздухе. Но чуда не произошло, она смущенно встала, отряхнулась и подняла глаза.

Парень застыл на месте – вид у него был такой, словно перед ним приземлилась летающая тарелка. Ника смотрела на незнакомца снизу вверх – у него были широкие, четко очерченные скулы и резкая линия челюсти. Яркие зеленые глаза в свете фонаря подозрительно блестели. Черные как смоль волосы стояли торчком, но, видимо, так и было задумано. На парне были узкие черные джинсы, низко сидевшие на бедрах, широкие плечи облегал кожаная куртка, надетая поверх серой флиски с капюшоном.

– Что ты делала на дереве? – медленно проговорил он.

Ника замялась, а потом выпалила:

– Искала телефон!

– Искала телефон на дереве? – Теперь в голосе парня слышалась насмешка. Он ухмыльнулся, но тут же помрачнел. – Да ты тут с самого начала сидела!

– Прошу прощения... – выдавила Ника.

– За что?! – взорвался парень. – За то, что подслушивала чужие разговоры?

Ника еще больше смутилась и попыталась сменить тему.

– Как тебе удастся отсюда звонить? – спросила она.

– Вроде бы мобильник очень помогает! – ехидно ответил парень.

Подул резкий прохладный ветер, и Ника вспомнила, что на ней только коротенькие шортики и майка – не самый подходящий наряд для ночной беседы. А парень продолжал глазеть на нее с кривой ухмылкой на красивом лице.

– Не делай вид, что не понял, – возмутилась Ника. – Здесь же нет сети – мертвая зона!

– Мертвые зоны не для всех мертвые, – надменно ответил он.

Ника закатила глаза и зашагала к общежитию, но незнакомец ее нагнал.

– Тебя родители не учили, что нельзя подслушивать взрослые разговоры? – нахально поинтересовался парень.

Для Ники это стало последней каплей – то ли так подействовало на нее слово «родители», то ли за этот день случилось слишком много всего и она просто устала да еще свалилась с дерева. Девушка молча развернулась и направилась к окну, из которого вылезла. Незнакомец снова ее догнал и на сей раз схватил за запястье. От его прикосновения у Ники по спине словно пробежал электрический разряд.

– Я не хотел тебя обидеть!

Ника выдернула руку:

– «Не хочу я тут торчать! Почему дядя не подходит к телефону?!» – передразнила она его писклявым голосом, а потом бросила: – Тоже мне, взрослые разговоры!

Парень отпрянул, как будто она его ударила, и Нике сразу стало совестно, но она все равно зашагала прочь, не оглядываясь на незнакомого красавчика.

Глава 3

Все будет хорошо



На следующее утро Ника проснулась в уверенности, что она никуда не уезжала от Сони, а Вилдвуд ей просто приснился. Но стоило только ощутить уютную шелковистую гладкость наволочки, касавшейся щеки, и прислушаться к тишине вокруг, как девушка осознала, что очутилась там, где и не мечтала.

Ника поднялась и потянулась – в окно лились солнечные лучи. Это чудесное утро ничем не напоминало первый день в большинстве ее новых школ. Не трезвонил будильник, не тянуло горелым запахом убежавшего кофе. Но самое важное – не было страха куда-то опоздать. В расписании на сегодня значилось: «9:00 – алгебра». Вспомнив это, девушка приуныла: математику она терпеть не могла.

В дверь коротко постучали, потом стало слышно, как кто-то проводит карточкой в считывающем устройстве. В комнату вошла смуглая пожилая женщина. На ней была белая туника, какие носит персонал в салонах красоты, с вышитым справа логотипом Академии. Длинные и темные, с сильной проседью волосы стянуты в тугий аккуратный узел на затылке. Спина у незнакомки была сгорбленная, словно та всю жизнь таскала тяжести. Женщина несла в руках серебряный поднос, накрытый салфеткой, а на ее указательном пальце висел чехол с одеждой.

– Доброе утро, мисс Вероника, – проговорила она и ласково улыбнулась Нике. – Меня зовут Магдалена, я ваша домоправительница на этот год, – добавила она на этот раз с сильным акцентом, который Ника определила как восточноевропейский.

– Рада познакомиться, Магдалена, – робко ответила Ника. Ей было непривычно, что ее называют «мисс», да еще женщина, которая годится ей в бабушки. Магдалена принялась убирать постель, Ника страшно смутилась и кинулась помогать, но женщина остановила ее.

– Мисс, скоро начало занятий, но сначала позавтракайте. – И показала на поднос, который поставила на столик.

Под салфеткой обнаружилась целая гора золотистых круассанов, баночки с вареньем, кексы с черникой, оладьи, ваза с фруктами и чайничек в цветочек.

– Ух ты! – восхитилась Ника. – А что, каждый день такое великолепие или только в честь начала учебного года?

– Я могу приносить вам такой завтрак каждое утро, но, вероятно, вы предпочтете завтрак в столовой, там подают горячие блюда и выбор больше, – с готовностью ответила Магдалена, и Нике снова стало неудобно.

– Нет-нет, все прекрасно. Я буду завтракать в столовой, – поспешно заверила она немолодую женщину. – Мне ее разбудить? – Девушка кивнула в сторону соседки.

Магдалена поглядела на сопящую Стеллу с явным неодобрением.

– У нее занятия начинаются только в десять, – ответила она. Потом расстегнула молнию на чехле и разложила тщательно выглаженное содержимое у Ники на кровати.

– Школьная форма! – ахнула Ника в восторге. Теперь не придется каждое утро ломать голову, что же надеть.

– Вы правда довольны? – Магдалена недоверчиво поглядела на Нику.

– Конечно! Всегда о такой мечтала, – восторженно заявила та, погладив серую плиссированную юбку.

Магдалена уставилась на нее с любопытством – как видно, ей нечасто попадались студентки, которые радовались тому, что придется носить форму.

– Зато по выходным можете ходить в чем пожелаете, – заверила она Нику, будто та нуждалась в утешении. – До встречи вечером, мисс! – Домоправительница подняла с пола в ванной полотенца и направилась к двери.

– Магдалена! – окликнула ее Ника. – Пожалуйста, называйте меня просто Ника

– Договорились, Ника, – медленно проговорила Магдалена, особо выделив имя. Было видно, что ей приятно. – Пожалуйста, называйте меня просто Магда, – добавила она, широко улыбнулась и скрылась за дверью.

Позавтракав, Ника вприпрыжку побежала по извилистой тропе, которая вела в центр кампуса. То и дело она останавливалась у окон и луж полюбоваться новенькой школьной формой: строгой белоснежной блузкой, синим блейзером с вышитым логотипом Академии, серой плиссированной юбкой и синими гольфами. Сверившись с картой кампуса, Ника нашла дорогу к зданию под названием «Эдисон», где у нее был назначен первый урок.

Корпус «Эдисон» оказался небольшим домиком из красного кирпича – коридор вел к единственной аудитории в самом конце. И это мрачное здание, и одинокая аудитория навевали жуткую тоску, так что обстановка вполне соответствовала самому ненавистному для Ники предмету. Девушка вошла в аудиторию, набитую студентами-первокурсниками, пробралась по проходу, заставленному чужими рюкзаками, и заняла одно из последних оставшихся мест в заднем ряду. Ее соседом оказался коренастый блондин. Очевидно, он тоже только что прибежал, потому что круглые очки у него запотели. У парня было добродушное серьезное лицо с голубыми глазами, румянцем на пухлых щеках и буйная кудрявая светлая шевелюра. Краем глаза Ника заметила, что и сосед ее разглядывает; несколько раз он поворачивался и вроде собирался с ней заговорить, но потом передумывал.

– Привет, – выдавил он наконец. – Меня все зовут Интеграл.

«Интеграл», – повторила Ника про себя, пытаясь предположить, за что же парня так прозвали.

– А я Ника. Рада познакомиться, – ответила она и дружелюбно улыбнулась ему.

– И я, – кивнул он и поправил на носу очки. После чего, не придумав, что еще сказать, принялся перебирать грудку книг, которыми у него был завален весь стол: «Кибернетика», «Математический анализ», «Теоретическая физика».

В аудиторию вошла невысокая брюнетка в синем деловом костюме и поставила портфель на учительскую кафедру.

– Меня зовут Марта Ливинг, я ваш профессор по математике, это курс «Алгебра-101», надеюсь, вы будете внимательны на уроках, – громко объявила она.

После чего строгая преподавательница, открыв презентацию, познакомила студентов со своей биографией и образованием. Потом зачитала учебную программу и перечислила правила и требования. Студенты, набившиеся в аудиторию, слушали ее с унылым видом. Лекция все тянулась и тянулась, и Ника унеслась мыслями к любимому предмету...

– Вероника!

При звуке своего имени Ника сразу вернулась с небес на землю. Преподавательница смотрела на нее в упор, вопросительно подняв бровь. Ника украдкой огляделась: может, кто-нибудь подскажет, что от нее требуется?

– Да, профессор Ливинг, – учтиво проговорила она.

Преподавательница нахмурилась.

– Задание на доске! – сказала она и ткнула в нацарапанное мелом уравнение. Ника с ужасом уставилась на цифры. Она даже не понимала, что это за уравнение, для нее все это была китайская грамота. В аудитории стояла тишина, все смотрели на нее.

– Мы только что разобрали несколько аналогичных примеров, – напомнила преподавательница, явно теряя терпение. – Несколько!

Ника мысленно отругала себя за то, что замечталась и пропустила добрые полчаса. А миссис Ливинг наградила ее свирепым взглядом – как будто хотела разглядеть сквозь нее стену аудитории.

– Мы ждем! – напомнила она.

У Ники возникло такое чувство, словно в аудитории внезапно кончился воздух.

– Икс равен трем тысячам шестистам двадцати девяти, – прошептал Интеграл. Ника скосила глаза вниз, и сосед улыбнулся ей – на круглых щеках появились две глубокие ямочки.

– Спасибо, – одними губами произнесла Ника.

Далекий звонок возвестил о конце первого урока. Ника прижала рюкзак к груди и, стараясь не смотреть на возмущенную миссис Ливинг, метнулась за дверь.

Сверившись с картой, девушка двинулась через рощу к корпусам естественных наук. Вскоре позади слышались чьи-то шаги. До Ники донеслось сначала громкое сопение, потом отрывистое пыхтение, а затем топот кроссовок. Ника замедлила шаг и подождала, пока с ней поравняется Интеграл.

– Эй, – просипел парень, пытаясь отдышаться. – У тебя следующий урок физика?

Ника кивнула.

– Классно, у меня тоже.

– Спасибо, что помог, – улыбнулась ему Ника.

Интеграл поглядел на нее в полном восторге:

– Пожалуйста! На уроках у миссис Ливинг я тебе что хочешь подскажу, меня потому и прозвали Интегралом, что с математикой у меня все супер! – объяснил он. – А вообще меня зовут Саймон, – смущенно добавил парень, но тут же изобразил усмешку крутого парня – точнее, как он это себе представлял, – и подмигнул Нике, но поскольку еще не успел отдышаться, получилось больше похоже на нервный тик. Девушка невольно рассмеялась. Обнадеженный Интеграл снова застенчиво просиял.

– Что же ты тогда ходишь на алгебру начального уровня? – спросила Ника, вспомнив названия солидных учебников, которые Интеграл разложил на столе.

– Меня сюда взяли на два года раньше остальных новичков, еще в шестом классе, потому что я уже успел пройти даже программу восьмого. Здесь, в Вилдвуде, за первые два года я прошел все уровни по математике, а в колледж меня пока по возрасту не примут, вот и посадили снова в группу начинающих повторять все с начала, пока для меня составляют индивидуаль-

ную программу повышенной трудности. Говорят, месяца за полтора все подготовят. По-моему, могли бы лучше все спланировать и успеть за лето, – выпалил толстяк на одном дыхании.

Ника восхищенно уставилась на парня.

– Вот это да! Ты молодец!

Интеграл побагровел.

– Хочешь, проведу тебе ликбез по школе? Ну, типа кто есть кто и где тут что, – спросил он, когда они вышли из роши и очутились на залитом солнцем пространстве перед четырьмя современными зданиями, на каждом из которых красовалась кованая вывеска: «Естественные науки».

Ника уже хотела ответить, но тут заметила у стены первого корпуса, нечто блестящее.

– Извини, – бросила она и помчалась мимо Интеграла к обшарпанной черной телефонной будке. Закрыв за собой стеклянную дверцу, девушка схватила трубку и принялась нажимать на кнопки. Прижав ухо к динамику, она ждала гудка, но его не было. Ника снова набрала номер – телефон ответил молчанием и потрескиванием. «Деньги!» – щелкнуло у нее в голове. Она сунула руку в передний карман рюкзака, с облегчением вытащила две монетки по двадцать пять центов и бросила в щель. Однако в трубке по-прежнему стояла тишина. Ника бросила ее на рычаг и чуть не разрыдалась – она представила себе, каково сейчас маме, наверняка чувствует себя одинокой и брошенной.

Выбравшись из будки, девушка печально побрела на следующий урок.

Войдя в набитую битком аудиторию, Ника пробиралась между группками соучеников в поисках места. Интеграл уже устроился в углу – он поставил свой рюкзак на соседний стул и жестом пригласил Нику сесть.

Она с благодарностью кивнула. И тут в аудиторию вошел высокий и стройный зеленоглазый парень. Ника сразу его узнала. «Парень с мобильником», – промелькнуло у нее в голове. За ним по пятам семенила брюнетка с голубыми глазами. Школьная форма сидела на ней идеально, будто ее специально подгоняли по хрупкой фигурке. Ника не могла не заметить, что оживленный гул в аудитории мгновенно затих – все смотрели, как парень с девушкой идут по проходу к заднему ряду. Несколько одноклассников поспешили с ними поздороваться.

– Ты слышала, что у Вайолет летом была персональная выставка? В настоящей галерее, в Нью-Йорке! – услышала Ника за спиной взволнованный девичий шепот.

Ника сделала вид, будто сосредоточенно роется в своем рюкзаке. Не поднимая головы, чтобы не встретиться с парнем взглядом, она ждала, пока он и его спутница пройдут мимо. А еще она некстати вспомнила, как шлепнулась с дерева прямо к его ногам. И тут она заметила, что в правой руке парень что-то сжимает. Проходя мимо стула, где сидела Ника, он незаметным движением уронил телефон – а это был именно телефон – в ее открытый рюкзак, в котором она так старательно копалась. Ника вскинула голову. «Он что, специально?!» Она смотрела на парня, который уже уселся за последнюю парту рядом с брюнеткой. Их тут же окружили. Ника нащупала на дне рюкзака гладкий черный мобильник. К нему была прилеплена записка: «Звони сколько хочешь».

Задохнувшись от волнения, Ника зажала мобильник в руке и снова посмотрела на незнакомца, но тот увлеченно болтал с друзьями.

К доске вышел невысокого роста человек средних лет. В одной руке он умудрился зажать портфель и модель Солнечной системы из проволоки и папье-маше, а в другой – пластиковый стаканчик с кофе, содержимое которого постоянно выплескивалось через края, пока преподаватель лавировал между партами. С трудом сгрузив свою поклажу на стол, учитель развернулся лицом к классу и с удивлением уставился на учеников, будто совсем не ожидал кого-то здесь увидеть.

– Я – мистер Говардс, и это... – Мужчина нервно заглянул в лист бумаги, лежавший на столе. – ...Ах да, курс «Физика-101», добро пожаловать. – Он коротко поклонился сначала в одну сторону, потом в другую, а затем включил стоявший на учительском столе проектор.

На первом слайде было написано: «Что такое физика?»

– Физика, – начал мистер Говардс, – это основа всего...

Пока профессор излагал тысячу и один довод в пользу того, что физика – царица всех наук и объясняет все на свете, Ника смотрела на огромные настенные часы и, отсчитав десять минут, решила, что уже можно попросить разрешения выйти. Она сунула телефон в рукав и прошла мимо мистера Говардса, шепнув извиняющимся тоном: «В туалет». В коридоре девушка огляделась в поисках укромного местечка и выбрала кладовку. Ника пробралась мимо швабр и полок с бытовой химией и уселась рядом с пылесосом. Нетерпеливо вытащила мобильник, набрала номер и почти сразу услышала долгожданные гудки.

– Дарья Мейсон слушает!

– Мама! – От радости, что слышит мамин голос, Ника даже всхлипнула. – Мама, извини, здесь нигде нет сети, я нашла телефон-автомат, но он не работает, и в общежитии телефон тоже... – Ника спешила оправдаться, пока мама не набросилась на нее с обвинениями.

– Солнышко! – Далекий мамин голос, эхом отдававшийся в трубке, перебил ее на полуслове. – Как тебе новая школа? Рассказывай скорее!

Ника замерла – мама щебетала весело и беззаботно, и это было очень странно, потому что в последние месяцы ничего радостного в их жизни не происходило.

– Мама, у тебя все нормально? – медленно спросила она.

– Конечно, все просто волшебным, солнышко! – деловым тоном ответила Дарья, после чего, судя по шороху, прикрыла трубку рукой. – Три ложки сахара, обезжиренное молоко, – донеслось до Ники.

– Мама! – нервно зашептала девушка в трубку. – Кто там у тебя?

– У меня собеседование, – ответила Дарья, как будто говорила о чем-то само собой разумеющемся.

– Какое собеседование? Куда? – Ника ушам своим не верила.

Дарья понизила голос:

– Ты же знаешь, я умею ходить на собеседования. У меня сегодня еще одно назначено! – сердито зашептала она.

Ника молчала. Она свято верила в мамины таланты, но еще совсем недавно имя ее мамы мелькало в прессе в связи с украденной коллекцией и банкротством, и вдруг на нее посыпались предложения о работе!

– Круто, мам, – выдавила она наконец. – Надеюсь, тебя возьмут.

– Ладно, солнышко, меня зовут. Но я должна знать все, что с тобой происходит! Позвони, как сможешь.

– Конечно, – ответила Ника.

– Солнышко, я так рада, что ты там! – шепнула Дарья. На этом связь оборвалась. Ника еще немного посидела и послушала короткие гудки. Потом положила мобильник на колени и уставилась в темноту кладовки: у мамы все прекрасно.

Вдруг распахнулась дверь, и Нике в глаза хлынул яркий свет из коридора, а потом на пороге возник чей-то силуэт.

«Парень с мобильником» закрыл за собой дверь и включил верхний свет. Лампочка под потолком качалась из стороны в сторону, тени плясали по стенам. Пронзительные зеленые глаза оглядели Нику, которая, поджав ноги, сидела на полу. Парень протянул ей руку. Уцепившись за нее, Ника поднялась и, оказавшись так близко от него в тесном пространстве, насколько смогла, попятилась.

– Ну и места ты себе выбираешь, – фыркнул парень. Четко обрисованные губы искривились в ехидной усмешке. – То деревья, то кладовки...

– Не хотела, чтобы меня поймали за разговором во время урока, – объяснила Ника. Незнакомец все так же глядел на нее, и Ника вдруг почувствовала себя до ужаса глупо, совсем как прошлой ночью. – В общем, возвращаю телефон, – она сунула мобильник парню в руки. – Большое спасибо, я очень ценю твою... э-э-э... щедрость.

Ника сама понимала, что ее слова прозвучали слишком официально, но она очень нервничала. Парень кивнул. Набрав номер, он прижал телефон к уху. Когда в трубке послышались гудки, парень прикрыл телефон рукой.

– Еще хочешь послушать? – ухмыльнулся он.

– Нет, конечно... я пойду. Извини. – Еще больше смутившись, Ника выскользнула из кладовки.

Вытирая о форму вспотевшие ладони, она пыталась понять, что все это означает.

Размышляя о поведении зеленоглазого красавчика, девушка вернулась в класс, стараясь не встречаться взглядом с недовольным преподавателем.

Когда прозвенел звонок, Ника вышла из корпуса практически последней. И сразу поймала на себе взгляд «парня с мобильником». Он стоял, слегка ссутулившись, отчего кожаная куртка туго натянулась на его широких плечах. Рядом маячила уже знакомая девица.

«Это и есть Вайолет», – вспомнила Ника: так назвал ее мистер Говардс на переключке. Черные туфли на шпильках у Вайолет были явным нарушением здешних правил. Как сказал ее новый знакомый прошлой ночью: «Мертвые зоны не для всех мертвые».

Вокруг парочки толпилось еще человек шесть. «Парень с мобильником» был выше других почти на голову. Рядом с ним хрупкая Вайолет казалась совсем крошечной. Она была невероятно хорошенькой: белокожая, с огромными голубыми глазами, черные роскошные волосы ниспадали до пояса. Окружавшие ее парни открыто восхищались ею. Как и девчонки – ее приятелем.

Возможно, стоило бы подойти к нему, еще раз сказать спасибо и представиться, но парень уже повернулся к Нике спиной. Обвив рукой талию брюнетки, он повел свою девушку в сторону общежитий.

Кто-то подергал Нику за рукав блейзера. Девушка обернулась. Интеграл. А она о нем совсем забыла. Саймон глядел на нее с робкой надеждой.

– Ну как, увидимся вечером на собрании для поступивших? Занять тебе местечко? – заискивающе спросил он.

Ника улыбнулась:

– Конечно!

* * *

Ника уже с нетерпением ждала собрания – на кампусе только о нем и говорили. Занятия в «творческих мастерских» в первый день не планировались, поэтому время тянулось медленно. После алгебры и физики были еще уроки истории, географии и английского. До самого обеда Ника больше ни с кем не познакомилась и была рада обнаружить, что на английский с ней будет ходить Стелла. После лекции, на которой они получили список литературы на осенний семестр, девочки направились в «Роузленд» переодеться к ужину.

Ужин они проглотили мгновенно, хотя соседка подробнейшим образом описывала всех «симпатичных мальчиков», которых успела увидеть за день.

Ника не стала рассказывать Стелле о встрече с новым знакомым: не могла же она признаться, что взяла ее телефон да еще уронила... И вообще в пересказе вся эта история выглядела очень странной. Пусть это останется тайной.

Наконец по громкой связи объявили, что собрание начнется через пятнадцать минут. Найти актовый зал оказалось несложно: туда со всех сторон стекались шумные толпы студен-

тов. Ника вспомнила прежние школы – там общие собрания устраивались обычно для того, чтобы выяснить, кто разрисовал граффити дверь кабинета завуча или швырялся с крыши туалетной бумагой. В Вилдвуде все иначе. Конечно, сегодняшние уроки оказались самыми обычными, скучноватыми, по стандартной школьной программе, однако и студенты, и здания кампуса, и природа – все было особенным, ни на что не похожим.

«Какое удивительное место», – подумала Ника, когда они со Стеллой вошли в актальный зал: амфитеатр был накрыт огромным стеклянным куполом, сиявшим, как магический кристалл, озаренный изнутри мягким светом.

В холле Ника увидела Интеграла – тот радостно устремился к ей.

– Привет! – завопил он еще издали.

Ника заторопилась к нему навстречу, потащив за собой Стеллу.

– Привет, Интеграл. Это Стелла. Стелла, это Интеграл, – представила их Ника.

Стелла с Интегралом уставились друг на друга в полном изумлении – словно недоумевая, зачем им вообще знакомиться.

– Рада познакомиться, – сухо проронила Стелла.

– И я, – отозвался Интеграл безо всякого энтузиазма.

Между тем студентов уже пригласили в зал. Им удалось найти места прямо у сцены. Огни медленно потухли, шум в зале затих. Кое-где послышались хлопки, а затем аплодисменты распространились по всему залу, словно треск лесного пожара, все громче и громче. Ника тоже захлопала – и только тут увидела, чему или, точнее, кому аплодируют: на сцену вышел директор. Поприветствовав студентов, он остановился у микрофона и поднял обе руки, призывая к тишине. Аплодисменты мгновенно стихли.

У Ники возникло чувство, будто она попала в какое-то закрытое общество, а директор его возглавляет; там, где она училась раньше, ученики не относились к администрации школы с таким уважением. «Это потому, что все ему благодарны, – сообразила она. – Это же он принимает окончательное решение, кому учиться в Вилдвуде, а кому нет».

– Добро пожаловать в Вилдвудскую академию. Одних я рад приветствовать снова, а другим еще предстоит понять, что наша Академия совсем не похожа на другие школы... – Голос директора звучал громко и торжественно. Ника почувствовала, как по рукам побежали мурашки.

– Вилдвудская академия – место особое, – продолжал директор. – Учиться здесь – не право, а честь. И это подразумевает, что ваша жизнь с этого момента будет подчиняться определенным правилам, и прежде чем начнется наш вечер, посвященный искусству, вспомним основные.

Ника покосилась на Интеграла, тот только состроил гримасу и улыбнулся. Парень слушал речь директора уже третий раз.

– В Вилдвудской академии действует пять главных правил. Первое: в нашей школе запрещены любые нелегальные вещества. По отношению к алкоголю и наркотикам мы проводим политику абсолютной нетерпимости. Всякий, кто нарушит это правило, будет наказан – исключен из школы либо временно, либо навсегда. Полагаю, дальнейших объяснений не требуется. Второе правило – никакого воровства, и это тоже очевидно. В Вилдвудской академии воровство считается серьезнейшим правонарушением, за которым следует наказание, – до исключения. Должен уточнить, что плагиат – это тоже разновидность воровства.

Директор украдкой глянул на пюпитр, который стоял перед ним, словно сверялся с заметками. Казалось бы, что в этом такого, однако Нике это показалось очень странным.

– Серьезное наказание следует и за другое нарушение – насилие, – жестким тоном перечислял между тем директор. – Политика абсолютной нетерпимости действует и в этом случае. Всякого рода травля, и психологическая, и физическая, тоже разновидность насилия, и отношение к ней соответственное.

Он снова заглянул в заметки и улыбнулся – разом вернув себе все свое обаяние.

– Секс... – начал он. В зале послышались смешки. Ника почувствовала, как Интеграл рядом нервно заерзал, а Стелла захихикала вместе со всеми.

– Так вот, секс, – повторил директор, когда зал успокоился. – В отличие от воровства и насилия, в нем, по сути дела, нет ничего дурного. Мы, разумеется, понимаем, что все вы молоды, гормоны у вас играют, но вы еще и несовершеннолетние, и мы за вас отвечаем, поэтому ради вашей же безопасности наказание ждет любого учащегося, которого уличат... – директор прищурился. – ...в этом. – Зал снова взорвался хохотом.

Ника поняла, что восхищается директором еще больше: он здорово разговаривает со студентами, держится открыто и при этом внушает уважение.

– И последнее, – продолжил директор. – Наши правила запрещают общаться с местными жителями из города Вилдвуд. – В зале мгновенно стало тихо. – В прошлом у нас часто возникали трудности из-за столкновений между нашими учащимися и вилдвудской молодежью. Печальная правда состоит в том, что студентам есть что терять, а местным жителям в большинстве случаев – нечего.

Нику от этих слов покорило. Такое сравнение прозвучало очень грубо. Девушка повернулась к Интегралу.

– А почему запрещают общаться с местными? – шепнула она ему на ухо.

– А потому что это бесперебойный источник нелегальных веществ, насилия и секса, – ухмыльнулся тот.

Ника кивнула. А директор завершал выступление:

– Мы очень серьезно относимся к любым сообщениям о панибратских отношениях между нашими учащимися и местными жителями, – сурово объявил он. И тут же на его лицо снова вернулась обаятельная улыбка. – Вселенная наградила вас большим талантом, и я убежден, что вашим ответом станут творения, достойные такого дара. Искренне надеюсь, что основа вашего великого наследия будет заложена в аудиториях Вилдвудской академии. Поэтому, если вам что-то понадобится, мои двери всегда открыты. – Директор умолк и неожиданно подмигнул. – Конечно, в приемные часы – с трех до половины четвертого по средам, – добавил он, и по залу снова прокатилась волна смеха. – Ну, не стану больше вас мучить: ведущий сегодняшнего вечера – любимец всех наших студентов, художественный руководитель Вилдвудской академии и координатор массовых мероприятий Стамос Ледерман! – объявил директор, и зал опять взорвался аплодисментами.

На сцену вышел Стамос в блестящем красно-коричневом костюме. Овации продолжались, пока мужчина не подошел к микрофону.

– Добрый вечер, дамы и господа, – негромко произнес он. – Вряд ли моя речь будет такой же яркой... – польстил он директору. – Как художественный руководитель Вилдвудской академии время от времени я что-нибудь организую, – с лукавым видом добавил он.

– Стамос, царь и бог вечеринок! – крикнул кто-то из задних рядов.

Стамос улыбнулся.

– Да, так меня иногда называют. Однако по порядку. Я хочу поприветствовать наших новичков и добавить, что среди тех, с кем мы уже познакомились и кого приняли в этом году, есть выдающиеся, весьма перспективные таланты, подобных которым мы еще не встречали. Наши студенты и раньше считались одними из лучших в Америке, а в этом году у нас стало еще больше поводов для гордости.

Стелла просияла, словно Стамос обращался лично к ней. Интеграл скривился.

– Он так каждый год говорит, – шепнул парень Нике.

– Какой красавчик! – игриво шепнула Стелла.

Ника сообразила, что та видит Стамоса впервые.

– Я с ним вчера познакомилась. Он сам меня сюда привез, – ответила Ника и сразу же смутилась.

Стелла ревниво покосилась на нее – кажется, Ника и вправду зря разоткровенничалась.

– А теперь, раз уж мы заговорили о талантах, – продолжал Стамос, – думаю, самое время объявить первый номер. Эта юная леди дважды подряд выигрывала Национальный конкурс исполнителей классической музыки, а кроме того, престижнейший Международный конкурс имени Чайковского. Встречайте – Аика Танака, скрипка!

Зал зааплодировал. Глубоко вздохнув, Аика подняла смычок, и Ника почувствовала, как музыка заполняет ее изнутри. Акустика в зале была поистине уникальной, каждая нота звенела словно хрустальная – Ника ощущала каждый звук всем телом. Аика играла просто потрясающе. С каждым движением смычка мелодия то взлетала ввысь, то затихала, и Нику от восторга бросало то в жар, то в холод. Ее переполняла гордость – гордость за то, что ее приняли в школу, где учится девушка, что стоит сейчас на сцене.

Когда пьеса завершилась несколькими мощными аккордами, Ника покосилась на Стеллу – как ей выступление? Но соседка с рассеянным видом скользила глазами по залу – похоже, она чувствовала себя не совсем в своей тарелке.

Следом выступал русский юноша-пианист. Он выбрал современное произведение, его пальцы летали по клавиатуре, поражая необычными гармониями. Ника не очень любила подобную музыку, но все равно было ясно, что юноша не менее талантлив, чем скрипачка Аика.

Следующим номером начинающий поэт прочел отрывок из пьесы собственного сочинения – это был рыжий бородач, довольно взрослый для того, чтобы учиться в Академии. Потом выступили два саксофониста, флейтистка и еще писательница, на сей раз с коротким рассказом. Концерт продолжался, и вскоре Ника уже перестала запоминать, кто с чем выступал. Ясно было одно: каждый был невероятно талантлив! От такого всплеска эмоций Ника почувствовала, что ужасно устала. Стелла рядом успела задремать. Интеграл, положив на колени блокнот, заполнял его какими-то формулами. Но вот объявили следующий номер, и Ника радостно встрепенулась.

– Элоиза Мендель исполнит *It's a Hard Knock Life* из мюзикла «Энни»! – провозгласил Стамос.

Из-за кулис стремительно вылетела Элоиза. Одетая она была так же странно, как и в первый день, когда они познакомились. Девушка сделала для песни собственную аранжировку, ничуть не хуже оригинальной. И звучание ее чудесного голоса было безупречным.

– Я ее знаю! – взволнованно шепнула Ника проснувшейся Стелле. – Она вела ознакомительную экскурсию!

Стелла улыбнулась, но улыбка вышла усталой и завистливой. Когда песня закончилась, Ника громко закричала: «Браво!» Элоиза театрально поклонилась и, довольная, ушла со сцены. У микрофона снова оказался Стамос.

– Спасибо, Элоиза! – Он сделал небольшую паузу. – Нельзя не отметить выдающееся достижение еще одной нашей соученицы. Этим летом у нее была персональная выставка фотографий в нью-йоркской галерее современного искусства «Сохо». Поприветствуем Вайолет Хендрикс!

Со всех сторон послышались громкие возгласы «Вайолет!» и аплодисменты. Ника искала глазами, где кричат громче всего, – и не обманулась в своих ожиданиях. «Парень с мобильником» сидел в первых рядах, лениво положив руку на спинку кресла Вайолет, которая встала и раскланялась. Ника задержала взгляд на иссиня-черном затылке, но тут заметила, что на нее смотрит Интеграл, и поспешно уставилась на сцену.

– В заключение этого великолепного вечера вы увидите слайд-шоу работ с выставки Вайолет, – сказал Стамос.

Зал погрузился во тьму. Сначала появилась фотография кольца с бриллиантом. «Помолвочное», – подумала Ника. Кольцо лежало на столике у бассейна. Фотография была черно-белая, и Ника сразу поняла, что хотел сказать фотограф: это была история о богатстве и одиночестве, о беспечности и отверженности. Последовало еще несколько крупных планов – шелковое бальное платье, мертвый жук, сумка на растрескавшемся асфальте. Ника с досадой была вынуждена признать, что фотографии оказались превосходными, полными символического смысла.

Сюжет снова сменился, и на экране появилось лицо «парня с мобильником» крупным планом. Потом фотографии его рук, потом он в профиль – его лицо злое, но красивое, потом он что-то пишет, видимо, в дневнике... Опять крупные планы его лица: заостренные черты, ехидная ухмылка.

На последней фотографии парень выходил из бассейна, демонстрируя идеальную фигуру. А на лице читались презрение и уверенность в собственном превосходстве, прекрасно переданные на черно-белом снимке.

«Какое же это искусство?» – сердито подумала Ника. От фотографий веяло тщеславием и самолюбованием, а еще Ника поймала себя на том, что они ей нравятся, и разозлилась. Стелла не сводила с экрана восхищенных глаз, а Интеграл окончательно уткнулся в свои расчеты.

Ника раздраженно отвела взгляд, всмотрелась в полутьму зала и нашла его. Парень смотрел на нее. Смотрел гораздо дольше, чем было бы прилично и уместно, – будто интересовался ее реакцией на эти снимки. Решив ответить вызовом на вызов, Ника уставилась на него в ответ. Но тут проектор погас, вспыхнули лампы под потолком, и оказалось, что «парень с мобильником» больше на нее не смотрит, а шепчет что-то на ухо Вайолет, которая продолжала принимать поздравления.

Вечер завершился, и студенты поспешили на улицу, чтобы успеть использовать оставшиеся до отбоя тридцать минут. Ника вышла в сопровождении Стеллы и Интеграла. Толпа уже почти рассеялась. Ника снова невольно нашла глазами «парня с мобильником» – он вел Вайолет куда-то в лес. За ними потянулись несколько членов их фан-клуба.

– Куда это они, а? – спросила Стелла, проследив за ее взглядом.

– Хочешь, угадаю? – хихикнул Интеграл. – За нелегальными веществами, насилием и сексом.

Глава 4

Великолепие войны



Я перед тобой в долгу. За мной экскурсия по здешнему высшему обществу, – заявил Интеграл за завтраком, уничтожая пирамиду блинчиков с кленовым сиропом. Ника скорчила гримасу – школьная иерархия никогда ее особенно не интересовала. И принялась бодро расправляться с содержимым своей тарелки: яйцами бенедикт, картофельными оладьями и жареными колбасками.

Занятия по живописи и рисунку еще не начались, зато перечень предметов пополнили химия и биология. Так что источником положительных эмоций пока что оставалась вкусная еда, ну и встречи с Интегралом. За эти четыре дня Ника с Саймоном стали неразлучны: вместе ходили в столовую, вместе возвращались в свои общежития, а на общих уроках сидели рядом. Эта неожиданная дружба Нике была только в радость, да и у Интеграла за два года в Вилдвуде близких друзей так и не появилось – никто не здоровался с ним в коридоре, никто не подсаживался за обедом. Словно все это время он оставался для всех невидимкой. Ника это понимала и от души сочувствовала ему.

Не считая Интеграла, Ника успела узнать имена только четверых: Стелла, Элоиза, с которой Ника обменялась всего несколькими фразами, противная красотка Вайолет, а еще «парень с мобильником» – Зак.

На занятиях девушка то и дело украдкой косилась в его сторону сквозь завесу своих светлых локонов – вот он сидит на своем обычном месте, рука, будто приклеенная, обвивает талию Вайолет. Глаза сияют пронзительным зеленым светом, губы сложены в усмешке, как будто ему уже наскучила собственная свита и ее разговоры.

Стелла сегодня под села за его стол. Свою форму она украсила тщательно подобранными аксессуарами в розовых тонах и дополнила большой замшевой сумкой персикового цвета с вышитой на ней золотом собственной монограммой. Каждое утро Стелла пыталась уговорить Нику оживить форму несколькими яркими штрихами – и каждый раз приходила в полное недоумение: как это Ника, дочь дизайнера, так мало интересуется нарядами. Однако Ника признавала только одно украшение – отцовский солдатский жетон, да и тот был надежно спрятан

на груди под блузкой. Теперь Ника жалела, что была такой несговорчивой: не найдя понимания у нее, Стелла пыталась произвести впечатление на свиту Вайолет.

Интеграл наклонил голову и перехватил взгляд подруги.

– Ника, Ника, я Земля! Прием! Земля! – прогудел он механическим голосом.

– Да-да, я слушаю, – отозвалась Ника.

– Так вот, тот парень, на которого ты только что глазела, – это Зак. Все знают, что он денежный мешок, но кто его родственники, держится в секрете из соображений безопасности. – Интеграл рассеянно покосился на стол с блинчиками, раздумывая, идти за добавкой или не стоит.

– Ничего я не глазела! – возмутилась Ника и пожала плечами, мол, Зак ее ни капельки не интересуется, но Интеграл продолжил:

– Девица рядом с ним – Вайолет. У нее мать из тех, кто сначала работает в эскорт-агентствах, потом выходит замуж за миллионера, а потом разводится с ним и на его денюжки становится модельером нижнего белья. Когда Вайолет сюда поступила, у нее вообще ничего не выходило, но к концу второго года вдруг стало получаться. Лишнее доказательство того, что в Вилдвуде знают, что делают. Ты сама видела на собрании. Ее художественные фотографии очень даже ничего. – Интеграл показал в воздухе кавычки при слове «художественные». – Папаша Вайолет – мегамозг из Силиконовой долины. Нет, правда, он разрабатывает очень клевые приложения. Не понимаю, почему таких башковитых парней вечно тянет на дур с экстерном, – нахмурился Интеграл. И снова покосился на столик с блинчиками.

– Может, к тому времени, когда они окончательно крутеют, им надоедает получать от ворот поворот от просто хорошеньких и неглупых девушек, и они специально выбирают самую красивую и самую тупую? – предположила Ника и ехидно ухмыльнулась.

Интеграл, похоже, оценил Никину теорию и усмехнулся в ответ:

– Да уж наверное! Дай мне честное слово, что, когда я стану великим математиком, ты не разрешишь мне приударить за крашеной блондинкой с пекинесом в сумочке!

Ника прыснула:

– Честное слово!

– Кстати, о силиконе, – добавил Интеграл. – Зак с Вайолет начали встречаться с тех пор, когда она получила хорошую дозу силикона в подарок на шестнадцатилетие, в прошлом году, точнее, как подсказывает моя идеальная память на числа... – Он глянул на свои дешевые пластмассовые электронные часы из тех, что дают в придачу к коробке кукурузных хлопьев, – двести шестьдесят три дня назад. – И демонстративно смерил взглядом грудь Вайолет и поиграл бровями.

– Фи, как грубо! – Ника изо всех сил старалась изобразить укоризненную гримасу, но у нее ничего не вышло – ее разбирал смех.

– А что? – воскликнул он. – Да, я – математический гений, но все равно обычный парень!

* * *

Ника шагала на очередной урок, исполненная самых радужных предвкушений. Горы Сан-Хасинто отсвечивали на солнце красным, величественные скалы нависали над извилистыми песчаными тропами – девушка никогда в жизни не видела такой красоты. А главное – сегодня у нее наконец состоится занятие по специальности. Ника чувствовала, как у нее покалывает в пальцах, как не терпится ей взяться за новые карандаши или пастель.

Интеграл проводил ее по дороге к корпусам для старшекурсников. На ходу он продолжал свой ликбез, просвещая Нику, кто в Академии богатый, а кто талантливый, а также кого и когда исключили на время или навсегда. Наконец они добрались до развилки с двумя деревянными стрелками-указателями. На одной было написано «Точные и естественные науки», на другой – «Художественные мастерские».

– Удачи, – пожелал на прощание Интеграл и удалился по своей тропинке.

Художественные мастерские размещались в небольших овальной формы домиках, каждый из которых носил имя какого-нибудь художника. Ника заглянула в расписание и, шурясь от солнца, разыскала нужное здание – корпус «Пикассо» имел куполообразную форму с вмятинками и был похож на половинку мяча для гольфа. Входная дверь красного дерева сразу открывалась в просторную студию.

Сквозь стеклянный потолок на полы из того же красного дерева лился мягкий свет. Ника решила, что студия больше похожа на танцевальный зал: ни капель краски на полу, ни царапин от ножек стульев. Тем не менее точно посреди зала стоял огромный мольберт. Бросив рюкзак на пол, Ника несмело приблизилась к нему и бережно погладила гладкую, абсолютно новую деревянную поверхность.

– Это американский дуб, – произнес за ее спиной негромкий женский голос.

Ника подскочила от неожиданности. Развернувшись в сторону двери, девушка обнаружила, что за ней наблюдает преподавательница.

– Да-да! Я такие видела. – Эти мольберты были знакомы всякому, кто хотя бы как-то причастен к миру искусства, – гигантские итальянские мольберты ручной работы из американского дуба, четыре на шесть футов.

– Меня зовут Анна де Гренобль, в этом семестре я ваш руководитель по специальности, – приветливо проговорила женщина с сильным французским акцентом и протянула Нике узкую ладонь. На мадам Гренобль был темно-зеленый брючный костюм. Волосы – неестественно-рыжие, зеленые глаза – слишком яркие, а остатки тоненько выщипанных ломаных бровей подведены красным. Женщина явно перенесла не одну пластическую операцию. Ее сморщенные костлявые пальцы, унизанные дорогими кольцами, сразу выдавали возраст, хотя дама старалась выглядеть на пару десятков лет моложе. Ника тоже представилась и стрельнула глазами на единственный стул в зале – стул, стоявший перед мольбертом.

– Это для вас, дорогая, – пояснила мадам Гренобль, показывая на стул. Ника послушно уселась, а мадам Гренобль вытащила из кармана пульт управления, нацелилась в центр зала и нажала кнопку.

– Итак, к делу! Вы что-нибудь слышали о батальном жанре, моя милая? – спросила она.

Ника собралась было ответить, но замолчала, наблюдая за тем, как, заслоня дневной свет, перед ней опустился плотный черный экран. Потом на окна упали светонепроницаемые шторы, погрузив зал в полную темноту – только у двери мигала красная лампочка аварийного выхода. С потолка по боковым стенам двинулись вниз и включились с громким щелчком два маленьких проектора.

– Нет, ничего, – наконец медленно ответила девушка.

– Батальный жанр! – воскликнула мадам Гренобль. – Это направление искусства, требующее острого глаза, отменной памяти и... – Пауза. – Отваги! Все великие воители прошлого, тот же Наполеон Бонапарт, желали, чтобы их подвиги сохранились в истории, были запечатлены на полотнах и в мраморе. Поэтому они выбирали нескольких талантливых художников и, начиная военные действия, брали их с собой. Художники держались подальше от поля боя, чтобы не подвергать себя опасности, но все же достаточно близко, чтобы запечатлеть кровавую славу сражений, – пояснила преподавательница.

Ника слушала ее, открыв рот. Мадам Гренобль продолжала говорить несмотря на то, что на лице у девушки читалось явное недоумение.

– Художник-баталист должен наблюдать и фиксировать как можно больше подробностей. Он непрерывно делает наброски, чтобы ничего не упустить. Если во время сражения будет одержана победа, художники вернутся домой и напишут величественные панорамы битв! – Профессор развела руками, будто представляя себе эти панорамы на месте стен. – Вы наверняка изучали «Битву при Геттисберге» Уокера?

– Нет, – робко призналась Ника. Мадам Гренобль выгнула тонкую бровь. – Так вы... вы хотите, чтобы я рисовала битвы, в смысле батальные сцены? – промямлила Ника.

– Вот именно! – кивнула преподавательница. – Вы просмотрите видеосюжеты, которые я вам покажу, и зафиксируете как можно больше подробностей. Ваша задача – выхватить отдельные детали мозаики. Затем, когда у вас наберется нужное количество набросков, к середине семестра вы составите из них панораму – в этом и заключается ваш курсовой проект, – объяснила она.

– А-а-а... – Ника открыла рот, чтобы задать один из десятков вопросов, которые так и роились у нее в голове, или по крайней мере сообщить, что никакого учебного плана ей еще не выдали. – А почему битвы? – выдавила она.

– Потому что битвы – это живая, дышащая материя. Они динамичны, прекрасны и одновременно ужасны и еще долго ощущаются реальными. Лучше темы для картины и не придумаешь! – Ника снова попыталась открыть рот, но мадам Гренобль поднесла палец к тонким губам. – Посмотрите видео, душенька, затем зарисуйте все, что вам понадобится, чтобы впоследствии воссоздать сцену целиком, – велела она. Послышалось громкое «цок-цок-цок» ее спинок по деревянному полу, и, подойдя к дверям, женщина нажала кнопку на пульте. – До скорой встречи. Я вернусь посмотреть, как у вас идут дела. Запомните – как можно больше набросков! – крикнула она, и дверь за ней захлопнулась.

Ника медленно повернулась к мольберту. На нем был закреплен толстый рулон пергаментной бумаги, мольберт был задрапирован в нее, словно в тогу. Ника смотрела на исполинское сооружение, высившееся перед ней, и огромная конструкция, о которой большинство художников могло только мечтать, одновременно и зачаровывала ее, и пугала.

«Рисовать битвы? – повторила она про себя. – Что она имела в виду? Зачем?»

Словно бы в ответ на ее вопрос проекторы ожили и лихорадочно зажужжали. Вспыхнул свет, и на круглые стены хлынули образы, они окружили Нику – та словно оказалась в аквариуме и глядела оттуда на мир вокруг.

Сначала изображение показалось Нике размытым, но мало-помалу картинка сфокусировалась: ясное голубое небо, пустыня, убогий городишко. Камера сместилась ниже, сменилось и изображение: горели машины, вдали слышались крики; все в этом пустынном городке было практически одного цвета – разных оттенков бежевого.

Теперь камера показывала городскую площадь: там сошлись два отряда. Ника не могла отвести глаз от экрана и даже забыла, что должна делать зарисовки. Она сидела и просто смотрела. На одной стороне площади замер строй светлокожих людей, вооруженных каким-то ультрасовременным оружием и с ног до головы одетых в камуфляж. На другой – бесновалась толпа; вероятно, повстанцы. Одежда в грязи, лица перекошены от ярости. Они выкрикивали что-то на языке, которого Ника не понимала, и размахивали в воздухе оружием, куда более примитивным, чем у противника.

Белые бойцы стояли неподвижно, словно оловянные солдатики, стройными рядами, дисциплинированные, от них исходила угроза. Ника облизнула пересохшие губы – она вдруг поняла, что все это время так и сидела с разинутым ртом. И нервно вздохнула, глядя, как растет напряжение. Расстояние между отрядами мало-помалу сокращалось – и тут кто-то бросил гранату. Раздался взрыв, послышались отчаянные крики. За миг до того, как отряды столкнулись, Ника зажмурила глаза. Когда она наконец собралась с духом и посмотрела на экран, там за густой завесой пыли копошилась густая масса дерущихся тел. Ника с мрачной решимостью напомнила себе, что ее задача – делать наброски.

На мольберте лежал целый набор перьевых ручек, пастели, угля, карандашей и фломастеров всевозможных цветов и размеров. Но Ника выбрала обычный простой карандаш и неохотно принялась зарисовывать все, что выхватывал ее взгляд. Натренированная рука так и порхала по бумаге – стремительно и яростно. Ника фиксировала каждую деталь, которая

приковывала ее внимание. Все это время девушка старалась не думать о том, как легко ножи и пули пронзают людскую плоть, словно лезвие входит в перезрелые фрукты, и все равно почувствовала приступ тошноты – изображение на экране будто плавало в красном пыльном океане.

«Подумаешь, просто кино», – убеждала она себя, понимая, что на пленке запечатлены реальные события. Тогда девушка решила сосредоточиться на другом – она принялась рисовать дыры на одежде сражающихся, очерчивала параллельные разрезы на залитом кровью камуфляже, оттеняла расплывающиеся пятна на грязных лохмотьях повстанцев. Воспроизводила следы, которые оставляли на песке подкованные армейские ботинки, тени, отбрасываемые на землю падающими телами с раскинутыми руками, – словно штриховкой мостила себе дорогу от наброска к наброску. Готовые рисунки она отрывала и, не глядя, отбрасывала, и они, словно сухие листья, планировали на пол.

Потом Ника решила сосредоточиться на песке – как вязнут в нем ноги солдат, как песок заволакивает погибших облаком пыли, когда они падают, как он вздымается волнами в ритме битвы. Она рисовала, рисовала, рисовала без устали – пока фильм не кончился и экран не погас.

Ника положила карандаш на место и окинула взглядом кипу набросков, которые она сбрасывала на пол, – надо же, как много. От неудобной позы болела спина и ныло запястье. Кровь и боль на лицах солдат напомнили ей об отце, который тоже был военным. Нике исполнилось три года, когда ее маме сказали, что муж погиб, выполняя задание, но как именно это произошло, не сообщили. Сейчас, посмотрев этот фильм, девушка снова попыталась представить, как расстался с жизнью ее папа из-за какой-то великой цели, более важной, чем его жизнь. Ника нащупала под блузкой солдатский жетон.

Она сидела, то и дело поглядывая на дверь, и ждала, когда же вернется мадам Гренобль, и с каждой секундой все больше нервничала. Потом Ника опять вернулась к мыслям об отце и вдруг заплакала. С минуту она рыдала, отчаянно пытаясь вытереть слезы рукавом, но они все текли и текли. Испугавшись, что преподаватель застанет ее в таком состоянии, девушка выбежала на улицу.

Палящее солнце на миг ослепило ее. Ника жадно глотала воздух, пытаясь успокоиться, но тело по-прежнему содрогалось от рыданий. Она читала, что такое состояние называется панической атакой, и действительно запаниковала. Что, если мадам Гренобль решит, что ее ученица – истеричка и ничего из нее не выйдет? В поисках укрытия Ника бросилась в соседний корпус, толкнула дверь и устремилась по коридору в поисках пустой аудитории. В первой же комнате никого не оказалось. Ника юркнула туда и упала на стул, уронив голову на руки и продолжая плакать.

Громкий, отдавшийся в пустом здании эхом треск, а потом – какая-то возня заставили ее встрепенуться. Ника поспешно вытерла глаза рукавом, несколько раз глубоко вздохнула и, обнаружив, что почти успокоилась, собралась, пока ее не заметили, тихонько улизнуть, когда снова послышался шорох, приковавший ее к стулу. Ника с ужасом поняла, что шуршание доносится у нее из-за спины. Она резко обернулась – никого. С еще большей тревогой осмотрела пустую комнату – и наконец заметила в углу неприметную дверцу. Шорохи за ней становились все громче, а потом Ника услышала громкое «Ой!».

Дверь распахнулась, и оттуда спиной вперед показался невысокий юноша в темно-синих мешковатых штанах с огромными карманами и сером вязаном пуловере, обтягивавшем мускулистый торс. Из-под серой кепки торчали растрепанные каштановые пряди. В руках парень тащил что-то тяжелое. Он осторожно пятился, пока не поравнялся с учительским столом, на который бережно водрузил открытую картонную коробку, доверху набитую проводами и приборами. Задумчиво качая головой, парень оглядел свои трофеи.

– М-да, – пробормотал незнакомец. – В Интернете за все это барахло много не дадут... Лучше поискать кого-нибудь в городе. – В его речи слышался ирландский акцент.

Когда парень повернулся в профиль, Ника узнала в нем одного из тех, кого показывал ей Интеграл: «Видишь во-он того, в кепке? Новенький. Я слышал, что он из Европы. А еще ходят слухи, что он тут главный богатей, даже богаче Зака». Парень принялся увлеченно рыться в своей коробке, словно старушка на барахолке.

– Ого! – Он широко улыбнулся. – «Никон», вот это дело!

«Киношное оборудование», – щелкнуло в голове у Ники.

Парень принялся набивать огромные карманы содержимым коробки, собрал несколько оставшихся проводков и швырнул их обратно в ящик, который снова засунул в кладовку. Потом, что-то весело насвистывая, захлопнул дверь. Но когда девушка почти решилась заявить о своем присутствии, парень сделал нечто такое, от чего Ника застыла на месте. На двери в кладовку висел замок, и Ника только сейчас заметила, что из замочной скважины торчат две отмычки. Незнакомец запер его, а отмычки засунул в один из карманов.

Когда он с довольным видом повернулся и обнаружил перед собой Нику, хитрая усмешка на его лице сменилась озабоченной гримасой. Несколько секунд он буравил Нику взглядом и вдруг спросил с искренней заботой в голосе:

– Солнце мое, у тебя все нормально?

Ника посмотрела в окно и увидела свое отражение в затемненном стекле – под глазами полукруглые потеки размазанной туши: точь-в-точь панда в растрепанных чувствах. Она одернула юбку и попыталась вытереть тушь, после чего смущенно отвернулась. Ее видели плачущей очень немногие, и ей совершенно не хотелось добавлять в этот список незнакомого парня.

– Да! – ответила она резче, чем собиралась, ломким от слез голосом.

Незнакомец полез в задний карман штанов, вытащил что-то маленькое и блестящее и протянул Нике.

– Меня растили мама и три старшие сестры, так что я приучился всегда держать под рукой сладкое на всякий случай, – весело заметил он и протянул ей шоколадку.

Ника взяла ее и невольно улыбнулась.

Парень подмигнул ей в ответ. Пухлые губы раздвинулись, обнажив чуть-чуть кривоватые зубы. Темно-голубые глаза незнакомца излучали спокойствие и искренность.

Ника развернула шоколад и отломил кусочек, а остаток протянула юноше.

– Я вот тут, понимаешь, замок чинил, – осторожно заметил он, мотнув головой в сторону кладовки, и откусил кусок шоколадки прямо у Ники из рук.

– Подрабатываешь слесарем? – спросила Ника, дерзко посмотрев ему прямо в глаза.

– Если надо, могу и слесарем, – отозвался он, на миг став серьезным, а потом снова солнечно улыбнулся кривой плутовской улыбкой, словно происходящее его донельзя забавляло. – Кстати, меня зовут Тристан, – весело сказал он и протянул Нике руку.

– Ника.

Тристан мгновенно схватил девушку за руку, подтянул к себе и по очереди чмокнул в обе щеки.

– У меня под кроватью запас шоколада – на всю жизнь хватит. Понадобится – обращайся! – сообщил он огорошенной Нике. Было ясно, что ему самому эта выходка страшно понравилась. – Ну, рад был познакомиться, а теперь мне пора, – ухмыльнулся Тристан и двинулся к двери, но остановился на пороге. – Могу я попросить тебя не распространяться о том, что я организовал себе небольшую подработку? У меня и так от заказов отбоя нет. – Он по-прежнему шутил, однако в его голосе прозвучали серьезные нотки.

Ника поняла, о чем он просит.

– Забуду, что вообще с тобой знакома, – пообещала она.

Парень немного постоял, потом еще раз подмигнул девушке:

– Надеюсь, все-таки не забудешь.

И исчез, пока Ника пыталась найти достойный ответ. Тут до нее дошло, что она пробыла в аудитории слишком долго. Похолодев от ужаса, девушка выскочила из корпуса и бросилась в студию. Мадам Гренобль уже стояла у мольберта.

– Делать перерывы в занятиях без разрешения не полагается, – недовольно проговорила преподавательница.

– Простите, – прошептала Ника. – Я только...

– Ничего-ничего, – перебила ее мадам Гренобль и принялась шуршать набросками, которые больше не валялись на полу, а аккуратно стояли на мольберте. – Вот эти, – медленно проговорила она, – весьма и весьма хороши.

Ника заметила, что глаза у нее при этих словах сверкнули – видимо, мадам Гренобль действительно была довольна. Она провела по наброскам указательным пальцем с длинным ногтем и скомандовала:

– Сядьте, нам есть чем заняться.

На сей раз мадам Гренобль никуда не ушла. Она снова включила проектор, отошла в угол и наблюдала, как Ника рисует, несколько часов подряд.

Глава 5

Местные зря болтать не станут



Только не говори мне, что собралась идти в этом! – воскликнула Стелла, с явным неодобрением оглядев наряд Ники.

Ника посмотрела в зеркало – старомодная желтая юбка, мешковатая обрезанная футболка «Роллинг Стоунз» и балетки.

– Хорошо, я не буду тебе говорить, что именно в этом и собираюсь идти, – осторожно проговорила она.

– Ни за что! Ни за что на свете! Со мной ты в этих тряпках никуда не пойдешь! – трагическим голосом воскликнула Стелла, перекрикивая попсу, лившуюся из розовых колонок в углу. – Придется спасать положение! – добавила она драматическим голосом и двинулась к своему гардеробу, деловито закатывая на ходу рукава, будто собиралась готовить.

Соседка нырнула в свой шкаф, который скорее напоминал настоящую гардеробную, заполненную чем-то сверкающим и узорчатым. Отобранное Стелла не глядя швыряла на кровать. Сосредоточенный взгляд и манера покусывать губу напомнили Нике Интеграла в те минуты, когда приятель пытался решить особенно заковыристое уравнение.

Это была лишь одна из множества общих черт, которые Ника то и дело подмечала в своих друзьях, на первый взгляд таких непохожих. Когда она только познакомила Стеллу с Интегралом, та шарахалась от него, словно у парня был птичий грипп. В ответ Интеграл начал говорить с ней медленно и раздельно, отчетливо выговаривая каждый слог, словно с ребенком. В итоге Стелла вообще отказалась сидеть с ними за одним столиком под тем предлогом, что это нанесет невосполнимый урон ее положению.

С тех пор прошло уже две недели, но Стеллу, несмотря на отчаянные старания, почти не приглашали за желанный столик Вайолет. И вообще получилось так, что все первые выходные в Академии Ника, Стелла и Интеграл втроем бродили по территории, собирали сухие листья, а вернувшись в общежитие, варили горячий шоколад. Такое времяпрепровождение совсем не напоминало бурную светскую жизнь, о которой мечтала Стелла.

Стелла недолюбливала Интеграла, и он платил ей взаимностью и вообще недоумевал, зачем Ника с ней дружит. Ника же понимала, что Стелла, несмотря на любовь к мишуре, была отнюдь не пустышкой, а просто наивной, милой и доброй.

– Вот! Вот что ты наденешь! – победоносно воскликнула Стелла и кинула на Никину кровать короткое кожаное платье с корсетом, длинный красный блейзер и черные замшевые ботфорты.

– Нет! Это слишком... слишком экстравагантно для меня! – запротестовала Ника.

– Слушай, это первая вечеринка в году, а меня даже толком не пригласили, – сказала Стелла и немного смутилась.

Стеллу позвали только потому, что на нее положил глаз Маркус Дженкинс, один из лощеных приятелей Зака.

– То, что я тебя могу с собой взять, уже чудо, а ты еще и Интеграла тащишь! Представляю, как эффектно мы будем выглядеть! Ну, ты можешь надеть это? Пожалуйста! – взмолилась Стелла.

– Ладно.

Ника нахмурилась и громко вздохнула, придирчиво изучая наряд. Она не стала напоминать, что на самом деле разбирается в моде гораздо лучше Стеллы – она выросла в этой среде. В каком бы городе они с мамой ни жили, квартира всегда была завалена образцами ткани и журналами «Вог». Однако Ника понимала, какое значение придает этой вечеринке Стелла, поэтому сдалась – с неохотой втиснулась в тесное кожаное платье и натянула высокие замшевые ботфорты. Потом набросила блейзер, довольная, что так хотя бы немного прикроет свой вызывающий наряд. Взбила копну светлых волос и расчесала непокорные кудри мокрой щеткой.

– О-ля-ля! Да ты очень даже ничего, если постараться! – поддразнила ее Стелла.

– Ну спасибо, – ехидно пробурчала Ника.

Стелла взглянула на розовые наручные часики.

– Пора! – воскликнула она.

Прошел уже целый час после того, как в общежитии выключили верхний свет, но никто из студентов не обращал внимания на это правило. Большинство девушек, в том числе и Стелла, привезли фонарики из дома и не зависели от общего освещения. Это, конечно, было нарушением, но душечка Магдалена, их домоправительница, никогда не жаловалась на своих подопечных.

Казалось, весь кампус только и обсуждал предстоящую вечеринку с участием местной молодежи, хотя никто не знал, где она состоится, да и позвали далеко не всех. Помня о строгом предупреждении директора, организаторы распространили записочки с указаниями лишь за день до праздника. Маркус Дженкинс сунул ее Стелле за обедом, и та вцепилась в клочок бумаги, словно в слиток золота. В записке не было даже адреса, только географические координаты. Очевидно, вечеринки для своих организовывались в Академии именно так.

Было решено выждать два часа после отбоя и лишь потом улизнуть из общежития. Ровно в полночь девочки услышали тихий стук. Ника подкралась к двери и, заговорщически взглянув на Стеллу, шепнула в замочную скважину:

– Пароль!

– Как пароль? – послышался растерянный приглушенный голос. – Мы же не договаривались... м-м... вроде бы... – За дверью послышались шорох и похлопывания – Интеграл общался с многочисленными карманами брюк, решив, что записал пароль, а потом об этом забыл. Ника пожалела приятеля и открыла дверь.

– Шутка, Интеграл, – сказала она, лучезарно улыбаясь парню, застывшему на пороге. Интеграл с облегчением выдохнул и неловко улыбнулся.

– Ой, мамочки, надо же было так вырядиться! – прошипела Стелла, шокированная видом Интеграла.

– Ну начинается, – пробормотала Ника.

– А что? – удивился Интеграл, оглядывая в зеркале свои зеленые шорты с большими карманами и гавайскую рубашку. Он вопросительно покосился на Нику, а та в ответ только сделала гримаску.

– Ну ты даешь, Саймон, гавайская рубашка! В фиолетовый цветочек! – сокрушалась Стелла.

Она опять исчезла в гардеробе и зашуршала пакетами. И через несколько секунд вручила Интегралу рубашку. Толстяк в недоумении переводил взгляд с рубашки на Стеллу.

– На память от бывшего бойфренда, ясно? Сохранила как сувенир, так что сделай милость, надевай! – смущенно пропищала Стелла. – У него хотя бы вкус был, – с упреком добавила она, заметив, что Ника с Интегралом едва сдерживают смех.

– Мне вкус не нужен. Я по математической части, – буркнул Интеграл и уже собрался расстегнуть свою гавайку, но потом опустил голову, поглядел на свой живот и побагровел. – Я сейчас, – бросил он, прошагал в ванную и защелкнул задвижку. Ника сочувственно смотрела ему вслед.

Когда Интеграл вышел, оказалось, что рубашка-поло цвета морской волны прекрасно подчеркивает синеву его глаз – но, скажем прямо, чересчур тесно облегает его пухлый торс.

– Выгляжу как спортсмен на пенсии, – сердито пробурчал Интеграл.

– А вот и нет, тебе страшно идет! – заверила его Стелла, подталкивая беднягу к двери, пока он снова не напялил пестрый ужас.

Когда ребята на цыпочках подкрались к двери, Ника вдруг замерла.

– Вот черт, – шепнула она. – А как же сигнализация? – И ткнула в мигающую коробочку над дверью.

– Для меня это пара пустяков, – важно отозвался Интеграл и с невинным видом уставился в потолок. – Я ее уже отключил по дороге к вам. На час. Так что уйти мы успеем. А иначе как я, спрашивается, сюда попал?

Девушки с восхищением посмотрели на него.

– У меня большой хакерский опыт, – похвастался Интеграл. И, гордо выпятив грудь, прошел мимо девушек к выходу. Ника и Стелла, переглядываясь, последовали за ним.

Ника не ожидала, что до места назначения придется идти через лес, время от времени сверяясь с компасом, встроенным в часы Интеграла. «Всякое общение с местным населением строго воспрещается» – это был непреложный закон Академии, которому директор уделил немало времени в своей речи на торжественном собрании. Следующим по строгости был полный запрет на алкоголь. Неудивительно, что вилдвудские студенты шли на такие меры предосторожности.

Бревенчатый коттедж, где устроили вечеринку, стоял на окраине города, у самого леса, так что шум не привлекал внимание соседей. К тому моменту, когда троица добралась до места назначения, из всех окон гремела музыка, от гулко ритма дрожала даже покрытая хвоей дорожка под ногами. У крыльца толпилась молодежь – кто-то курил, кто-то танцевал. Ника вдруг засмузилась своего коротенького кожаного платья, а Стелла, наоборот, украдкой поправила лифчик, чтобы грудь казалась пышнее. Когда Интеграл распахнул дверь, их мгновенно окутало густое облако дыма. Ника покосилась на парня, который пребывал в явном замешательстве.

– Я нечасто бывал на таких... – прочитала Ника у него по губам: музыка заглушала все слова. Саймон нервно озирался. Судя по всему, за три года учебы в Академии он выходил из своей комнаты только на уроки и в столовую.

На кухне, которая находилась слева от входа, откупоривали банки с пивом, цедили вино из кегов в красные пластиковые стаканчики. Маркус Дженкинс увел Стеллу «показать задний двор», а Ника с Интегралом очутились внизу, возле диванов. Тут-то Ника и обнаружила Зака. Одной рукой он, как обычно, обхватывал тоненькую талию Вайолет, в другой была сигара. Зак болтал с какими-то двумя парнями, сидевшими напротив, а девушки из свиты Вайолет преданно столпились кругом. Ника с удивлением обнаружила, что «в неофициальной обстановке» Вайолет предпочитает готический стиль – черное бархатное платье, густо накрашенные глаза, черные кружевные митенки¹. Черные волосы подняты в хвост на макушке. Вид у нее был как у звезды бурлеска.

Взгляд Зака блуждал по дымной комнате. Когда парень заметил Нику, глаза его расширились. Лучше было бы отвернуться и притвориться, будто она его не видела, но девушка не хотела показаться трусихой. А тут еще Интеграл попробовал потанцевать, неловко налетел на нее и толкнул прямо в сторону Зака и его свиты. Ника решительно двинулась вперед.

– П-привет, – выдавила девушка.

Она сразу догадалась, что два парня, сидевшие напротив Зака, местные: у одного все лицо было в пирсинге, другой, голубоглазый, в драных вытертых джинсах, был выбрит наголо и щеголял разноцветными татуировками от плеча до кисти.

В правилах Вилдвудской академии ничего не говорилось о запрете на украшение своего лица и тела таким способом, просто учились там в основном дети политической и деловой элиты Америки, и поэтому пирсинг и татуировки встречались, мягко говоря, редко. Да и лица у парней были совсем другие.

Парень с пирсингом с алчным интересом разглядывал Нику. Свой стакан он поставил на журнальный столик, засыпанный пеплом и заставленный пустой посудой.

– Здорóво. – Он потеревил колечко в губе.

– Добрый вечер, – эхом отозвался Зак, и глаза Ники сразу же метнулись к нему. Парень отклеил правую ладонь от бока Вайолет и протянул ее Нике для рукопожатия: – Меня зовут Зак. – Он прищурился, оценивая наряд девушки.

– Я Ника, – резко ответила та и пожала холодную руку. «Мы с тобой уже встречались два раза», – хотела она добавить, однако у Зака, должно быть, были свои причины держать их знакомство в тайне. А на лице Вайолет появилось скучающее выражение.

– Меня зовут Вайолет, – надменно объявила девушка. – А это Шер, Обри и Лорен, – продолжила она, небрежно махнув в сторону своей свиты, столпившейся за диваном.

– Это Тодд и Алекс, – протянул Зак, копируя ленивый тон Вайолет, склонив голову в сторону диванчика, где сидели городские парни. – Это дом Алекса, – сообщил он как бы между прочим.

– Отличная вечеринка, – вежливо сказала Ника, покосившись на бритоголового городского.

– Скажи спасибо Тодду, – поспешно отозвался Алекс, которому почему-то не хотелось, чтобы его благодарили.

– Садись, цыпа. – Тодд освободил для Ники место на диване. Интегралу пришлось встать у нее за спиной.

– Кстати, это – Интеграл, – добавила Ника, надеясь, что Тодд поймет намек.

– Мы все знаем, кто это, – ответил Зак. Вся компания дружно рассмеялась. Нике шутка не показалась смешной, и она вопросительно посмотрела на Зака. И хотя Интеграл просиял, довольный, что его имя кому-то еще известно, что-то подсказало Нике: слова Зака вовсе не были комплиментом.

– Выпей с нами, Интеграл, – предложила Вайолет тошнотворно-медовым голосом.

¹ Митенки – перчатки без пальцев.

Интеграл замялся и глянул на Нику в поисках одобрения. Потом оперся на спинку дивана и кивнул. Вайолет с довольным видом покосилась на Зака, который тут же исчез в кухне и вернулся с несколькими банками пива.

– За новых знакомых, – сказал он и в упор посмотрел на Нику.

– Я хотела еще раз сказать тебе спасибо, – быстро прошептала Ника, дождавшись, когда толпа вокруг них переключит свое внимание на ее приятеля.

– Забудь, – низким голосом сказал Зак. Это был приказ, а не просьба. Зеленые глаза напряженно смотрели Нике в лицо. – Красивое платье, – добавил он.

– Ну, как тебе новая школа? – донесся голос сзади.

– Замечательно, – повернувшись к Алексу, весело ответила девушка. – До сих пор не верится, что я сюда попала.

Ответ парню явно не понравился.

– Все так говорят – до поры до времени, – отозвался он мрачно, сделал большой глоток из банки и отвернулся.

– Прости, я тебя не совсем поняла, – вежливо сказала Ника. Она заметила, что парень, устраиваясь на подлокотнике, покачнулся, было видно, что он пьян и, похоже, уже жалеет, что сболтнул что-то лишнее.

– Да это так, неважно, – отмахнулся он.

– Наш Алекс в обиде на Академию из-за правила о местных жителях, – покровительственно пояснил Зак.

– Да нет! – зарычал Алекс. – Просто... они ведут себя... неправильно, – выдавил он. Похоже, ему было трудно подобрать нужные слова.

– Как это – неправильно? – заинтересовалась Ника.

– Не слушай его, – небрежно посоветовал Зак.

Эта фраза еще сильнее разозлила Алекса, и он нагнулся поближе к Нике, твердо решив договорить.

– Из вашей школы каждый год выгоняют по пять человек, ты это знаешь? – спросил он.

– У нас очень строгие правила поведения, – раздраженно объяснил Зак.

Алекс его словно бы не слышал.

– Так обходиться с людьми – аморально, и все про это знают! – выпалил он.

– Слушай, хватит, ты говоришь как твой дядя! – Зак свирепо уставился на Алекса, и в его голосе послышалась угроза.

Взбешенный Алекс вскочил с дивана и молча вышел из гостиной. Ника удивилась. Что в словах Зака могло вывести его из себя?

– Не обращай внимания, – сказал Тодд, наклонившись к ней. – У него с Академией свои счеты. Его дядю несколько раз забирали в участок за незаконное проникновение на территорию твоей школы. Он журналист и вбил себе в голову, будто там есть о чем написать. А оказалось – не о чем. Теперь он живет у Алекса в подвале. Сейчас бедолаги нет дома, – закончил парень и показал на дверь в углу, всю в наклейках и замках. Он опять потерял пирсинг в губе, поглядывая на колени девушки.

Пока Ника размышляла о странном поведении Алекса, Тодд пододвинулся еще ближе. От парня несло спиртным. Похоже, беседа интересовала его все меньше, а созерцание бедер под коротким платьем – все больше. Ника попыталась незаметно отодвинуться, но вскоре уперлась в противоположный подлокотник. На ее счастье, Тодд в этот момент отвлекся.

– По-моему, твой приятель чуток перебрал, – кивнул он в сторону.

Пока Ника разговаривала с Алексом и пыталась отодвинуться от Тодда, она перестала замечать, что происходит вокруг. За это время Интеграл уже превысил свой невысокий алкогольный порог, а Вайолет весело выкрикивала разные математические задачи, заставляя его их решать.

- 674! – с готовностью вопил Интеграл. – 85643! 14!
- Интеграл, ты много выпил, пойдем отсюда! – взмолилась Ника.
- Нет! – рассердился Интеграл. – Дай повеселиться!
- Интеграл, над тобой просто смеются.

Широкая улыбка Интеграла погасла, он неуверенно посмотрел на толпу вокруг, но тут же расцвел снова:

- Нет! У меня все отлично. Не трогай меня.

Ника в отчаянии поглядела на друга, понимая, что сделать ничего не может, и выбежала из комнаты, наградив на прощание Зака презрительным взглядом. И в полутемном коридоре со всего размаха в кого-то врезалась. Ойкнув от боли, девушка схватилась за лоб. И когда подняла глаза, чтобы извиниться, обнаружила перед собой Тристана.

Тристан поддержал ее за локти.

– Не дай бог попасться тебе на пути, – заметил он со своим сильным ирландским акцентом и дружелюбно рассмеялся.

Ника смущенно улыбнулась.

– Прости, пожалуйста, я очень... – Она оглянулась в сторону комнаты, где оставила Интеграла. – Расстроилась.

Тристан внимательно посмотрел ей в лицо.

– Хочешь партию в бильярд? – спросил он, и тут Ника заметила, что в комнате, из которой вышел парень, стоит огромный бильярдный стол.

– Я не умею, – призналась она.

– Я тебя научу! – тут же предложил Тристан.

Ника подошла к зеленому столу, сукно на котором было изрядно потрепано, а шары потертые и исцарапаны. Похоже, это была далеко не первая вечеринка в доме Алекса. Тристан вручил ей кий, потом зашел сзади и, мягко взяв за предплечья, показал, как бить. Потом, управляя ее рукой, послал белый шар в разноцветное скопление остальных шаров, одновременно загнав несколько в лузы.

– Теперь сама. Попробуй, – предложил он, отпуская ее. Ника сосредоточилась – что было непросто – и повторила движения. Кий соскочил и ткнулся в сукно. Она смутилась и сделала еще одну попытку. В правую лузу закатился шар, Ника восторженно запрыгала:

– Я попала, попала!

– Умница! – рассмеялся Тристан.

– Сколько мне за это полагается очков? – спросила девушка.

– Э-э... – Тристан почесал в затылке. – Вообще-то мы играем в пул, а ты закатила черный шар, и это, к сожалению, означает, что ты проиграла всю партию.

Увидев, какое потрясенное лицо сделалось у Ники, парень с трудом сдержал смех.

– Так нечестно! – воскликнула она, в шутку толкнув Тристана в плечо.

– А еще говорят, что алкоголь согласно статистике повышает мастерство игры в пул! – ехидно усмехнулся Тристан. – погоди, я сейчас! – добавил он и скрылся в кухне.

Через миг парень вернулся, держа в руке высокий стакан, полный чего-то розового, с ломтиком лимона на краю. Он вручил его Нике, и та послушно сделала глоток. Она с изумлением обнаружила, что вкус у напитка восхитительный. Похоже на ананасовый сок с капелькой мяты.

– Летом подрабатывал барменом, – объяснил парень.

«Зачем, имея столько денег, подрабатывать летом?» – удивилась про себя Ника.

– Очень вкусно, правда, – призналась она и переложила шары в точности так же, как Тристан перед игрой. Удар – и Ника загнала шар в лузу и гордо выпрямилась.

– А где ты так научился играть в бильярд? – спросила девушка, прицеливаясь, чтобы сделать очередной удар. Тристан снова подошел сзади и положил руки ей на запястья, чтобы она правильно держала кий. Ника чувствовала на шее его теплое дыхание.

– Пул, покер, блэк-джек, рулетка... Я во всех пороках преуспел, – шутливо похвастался он и ударил по шару.

Кий держала Ника, но все движения делал за нее Тристан – и загнал в лузы сразу три шара. Его руки все еще сжимали ее запястья, и комната так и плясала у девушки перед глазами. Тристан был совсем рядом. Дыхание его, в котором чувствовался аромат виски, стало жарким.

– Игрок и воришка, – прошептала Ника. – Как романтично.

Тристан улыбнулся.

– У меня еще столько серьезных недостатков, тебе предстоит сделать множество открытий, – выдохнул он ей в самое ухо.

Ответить Ника не успела.

– Ух ты! Ну и компанию некоторые себе находят, – раздался с порога бархатный голос. В дверях, прислонившись к косяку, стоял Зак. Его зеленые глаза мрачно светились, губы были недовольно сжаты. Девушка уже хотела ответить, что парень лезет не в свое дело, но ее опередил Тристан.

– Шел бы ты припудрить себе носик, что ли, – небрежно бросил он, даже не взглянув в сторону Зака. Отпустив Нику, Тристан снова одним метким ударом послал в лузы сразу три шара.

Зак не спеша поднес к губам стакан, который держал в руке, и шагнул вперед.

– Какой у тебя все-таки дурацкий акцент для уроженца Массачусетса, – ядовито процедил он.

На сей раз Тристан поднял голову.

– Не твое это дело, конечно, но я учился в закрытой школе в Ирландии, – объяснил он, глядя на Нику, будто обращался скорее к ней, чем к Заку.

– Ага, а я учился в закрытой школе во Франции. Но я же не разговариваю как парижский кондитер, – фыркнул Зак.

– Намекаешь на то, что я подделываю свой акцент? – напряженно уточнил Тристан. Кулаки у него сжались.

– Нет, я намекаю, что ты плохо его подделываешь, – невозмутимо ответил Зак, которому явно доставляло удовольствие видеть, как злится Тристан.

– А ты – наглядное пособие по поведению богатого наследника, который привык жить на всем готовеньком.

Укол попал в цель – лицо Зака перекосилось от злости.

– Нечего перед ней выпендриваться, – процедил он, кивнув в сторону Ники. – Ты тоже здесь не на стипендии!

Тристан оглядел Зака раздраженно-презрительно. У Ники возникло чувство, что парни вряд ли хорошо знакомы, но наслышаны друг о друге достаточно, чтобы обмениваться оскорблениями. А еще... эта стычка произошла из-за нее.

Пока Ника пыталась придумать, чем можно успокоить соперников, ее внимание привлекла странная картина за окном – на крыльцо поднялись четыре фигуры в масках. И дом тут же взорвался громкими криками и оглушительным визгом.

Нику охватила паника – вопли раздавались отовсюду. Тут она почувствовала, как Тристан с Заком подхватили ее с обеих сторон и поволокли к задней двери, у которой уже толпился куча народу. «Бежим!», «Охрана!» – слышалось вокруг.

Уже на пороге Ника вспомнила об Интеграле и Стелле. Охваченная паникой толпа оттеснила Зака назад, и парень выпустил руку Ники – участники вечеринки отчаянно проталкивались к выходу. Вдали взвыли сирены, и Ника пробилась обратно в гостиную с диванами.

Она мчалась по комнатам, вглядываясь в мелькавшие перед ней лица, но ни Стеллы, ни Интеграла среди них не было. Охрана уже ворвалась в дом и теперь молча брала тех, кто не успел скрыться, в кольцо. Бежать было некуда. Вдруг за спиной возник Тристан.

– Прыгай, я их отвлеку. – Он подтолкнул ее к открытому окну первого этажа. Ника замешкалась – бросать Тристана было неправильно. Но парень настойчиво пихнул ее в сторону подоконника. – Давай же, скорее! – умоляюще воскликнул он, и Ника послушно выпрыгнула наружу.

Девушка тяжело шлепнулась на глинистую землю на заднем дворе. За спиной послышались возгласы, раздался звон разбитого стекла. Полицейские автомобили заполнили темную улочку, которая озарилась красными и голубыми вспышками. Мимо Ники мчались к лесу студенты Академии, и Ника бросилась следом. Укрывшись за деревьями, толпа с диким хохотом разбежалась в разные стороны. Понимая, что той же дорогой возвращаться нельзя, девушка устремилась вглубь леса, надеясь, что двигается в сторону кампуса.

Внезапно Нике послышался звук шагов – неужели ее кто-то преследует? Перепугавшись, Ника припустила со всех ног.

Решив, наконец, что неведомый преследователь сбился со следа, девушка замедлила шаг и прислонилась спиной к массивному стволу, стараясь отдышаться: Нике казалось, что ее легкие вот-вот лопнут, холодный воздух раздирал горло. Но вдруг позади послышался шорох, и Ника задержала дыхание.

Сухие листья зашелестели под чьими-то ногами, и девушка плотнее прижалась к дереву, впившись ногтями в кору. Шаги приближались, и Ника снова рванулась вперед. Но тут ее схватили сзади, крепкая ладонь зажала ей рот, заглушив крик, и кто-то сильный швырнул ее на землю.

Они рухнули на перину из сухих листьев, Ника отчаянно дергалась, стараясь сбросить с себя насильника. Тот навалился на нее всем телом, и когда девушка наконец разглядела его лицо, то обнаружила перед собой Зака.

– Попалась! – воскликнул он и громко рассмеялся, убирая руку с ее рта. Ника напрягла все мускулы и яростно отпихнула его. Зак плюхнулся на спину.

– Это что, все время был ты? – прорычала Ника.

Зак захохотал еще громче:

– Ой, видела бы ты сейчас свое лицо! Ты пронеслась мимо меня, вот я и погнался за тобой, – с беспечным видом объяснил он.

– А потом решил заодно и напасть, да? – прошипела девушка, глядя на него с ненавистью.

Вместо ответа Зак поднес палец к губам. Сверля парня гневным взглядом, Ника все же замолчала и сразу услышала голоса: к ним приближались несколько человек. Зак схватил девушку за руку и на полусогнутых ногах осторожно двинулся вперед в поисках укрытия.

Голоса преследователей раздавались совсем неподалеку. Зак тащил Нику вниз по склону, пока они не оказались возле глубокой канавы, скрытой густой листвой. За зеленью обнаружилась большая, почти в человеческий рост, труба. Нике не терпелось расспросить Зака, как ему удалось обнаружить это убежище, но приходилось молчать, чтобы не выдать себя.

Всего в нескольких футах над ними раздались голоса.

– Как считаете, кто-нибудь на этот раз улизнул? – спросил скрипучий мужской голос.

– Никто, я отвечаю, – отозвался второй.

– Позвоните директору, скажите, что мы всех накрыли, – добавил третий.

«Охранники», – с ужасом поняла Ника.

Она почувствовала, как Зак тихонько подталкивает ее поглубже в тень трубы. Прижавшись спиной к холодной бетонной стене, Ника так внимательно вслушивалась в то, о чем говорят мужчины наверху, что не заметила, как Зак подался к ней, а потом нежно поцеловал в губы. Поцелуй длился какую-то долю секунды, но Нике показалось, будто к ней прикоснулись

оголенным проводом. Вдали раздался громкий треск ломающейся ветки, охранники бросились на звук, а Ника оттолкнула парня.

– Ты что?! – шепотом воскликнула она. Ее рука взметнулась к пылающим губам. Девушка надеялась, что в темноте Зак не заметил, что ее лицо стало пунцовым.

Зак как ни в чем не бывало прислонился к стене напротив Ники.

– Ты слишком громко пыхтела, – небрежно заметил он. – Это был единственный способ.

Коротко улынувшись, парень вылез наружу, и Ника торопливо последовала за ним – как бы она ни злилась, ей вовсе не хотелось заблудиться ночью в незнакомом лесу.

– Почему они были в масках? – спросила Ника после долгого молчания, пока они шли в сторону кампуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.